

МАЛЕНЬКИЙ СОЛДАТ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

ВЛАДИМИР
МОРОЗ

НАД ОБЛАКАМИ

Маленький солдат большой войны

Владимир Мороз

Над облаками

«Издательство Реноме»

2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мороз В. В.

Над облаками / В. В. Мороз — «Издательство Реноме»,
2021 — (Маленький солдат большой войны)

ISBN 978-5-00125-436-2

«Никто, кроме нас». Услышав этот девиз, многие понимают, что речь идет о десантниках. Но только единицы знают, какие испытания выпали на их долю. Основанная на реальных событиях книга расскажет о первых воздушно-десантных операциях Великой Отечественной войны, в которых довелось участвовать простому солдату. Мы пройдем с ним по полям сражений, познакомимся с различными людьми, узнаем их истории. Увидим, как меняются взгляды, моральные принципы. Ибо война есть не что иное, как наждачная бумага, болезненно стирающая напыленные маски, заставляя человека показать свое настоящее лицо. Эта повесть посвящена памяти тех, чьи души до сих пор летают высоко. Там, над облаками...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00125-436-2

© Мороз В. В., 2021
© Издательство Реноме, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Мороз

Над облаками

МАЛЕНЬКИЙ СОЛДАТ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

© В. В. Мороз, 2021

© Оформление. ООО «Реноме», 2021

Глава 1

Свист ветра, страх пустоты, бешеный стук сердца и секунды томительного ожидания, кажущиеся вечностью, исчезли, как только Иван ощутил привычный сильный толчок. Подвесная система натянулась, принимая на себя вес тела и переводя его в привычное вертикальное положение. Молодой человек поднял худошавое лицо вверх, где, медленно наполняясь, разворачивалось белое полотнище, затормозившее скорость падения. После того как парашют окончательно раскрылся, Иван перевел взгляд и осмотрелся. Рядом, сквозь полутьму наступающего утра, еле различались светло-тусклые пятна других куполов. А где-то там, за плотной пеленой низких облаков, раздавался гул транспортных самолетов, которые, выбросив десант, монотонно и басовито гудя мощными моторами, медленно набирали высоту, уходя на юго-восток и восстанавливая потревоженную тишину этих мест. Машины возвращались на аэродром, откуда взлетели почти три часа назад. Мысленно пожелав им удачного полета, Иван, напрягая зрение, стал смотреть вниз, пытаясь определить направление сноса, медленно отсаскивающего парашют в сторону чернеющих деревьев. Внизу, прямо под ним, проступала большая поляна, окруженная со всех сторон густым лесом. Невдалеке, чуть севернее, раздавались крики первых петухов. Там, наверное, находилась какая-то деревня. Вот, поднимая пыль и громко стуча копытами, по проселочной дороге пронесся всадник на темной лошади и умчался куда-то по узкой лесной тропинке, скрытой за густыми кронами. Восточнее, далеко на горизонте, где небо, казалось, было светлее от просыпающегося солнца, угадывался силуэт высокой кирпичной трубы.

«Странно, – мелькнула мысль, – комбат сказал, что выброска будет в глухом месте. Хотя кто его знает, может, это какой-нибудь забытый богом старый развалившийся заводик».

Земля быстро приближалась. Полная амуниция – оружие, саперная лопатка, противогаз, подсумки с патронами, гранаты, котелок и заполненная водой фляга – только усиливала скорость. Прижатая сзади СВТ сильно давила на шею. Немного сдвинув ее в сторону, парень плотно сжал ноги, готовясь к встрече с твердой поверхностью, внимательно вглядываясь во всё быстрее приближающуюся траву.

Удар последовал неожиданно. Не стараясь удержаться на ногах, Иван несколько раз перевернулся и распластался по земле. Винтовка больно ударила затвором в спину.

«Синяк будет», – подумал солдат, поморщившись. Затем схватил одну из строп и стал сильно тянуть к себе, гася завалившийся на бок купол. Хорошо, что совершенно нет ветра, иначе всё было бы намного сложнее. Могло бы и в лес отнести, а там уж как повезет. Можно так на дереве запутаться, что без посторонней помощи не выкарабкаешься.

Когда белый шелк опустился на мокрую от росы траву, Иван снял подвесную систему и первым делом сбросил с плеч мешок, в котором находились винтовка, штык-нож и саперная лопатка. Засунув нож за голенище, Иван пристегнул лопатку к поясу и только после этого забросил винтовку за спину. Осматриваясь, принялся запихивать парашют в тряпочную сумку. Где-то недалеко копошились товарищи, продельвая такие же операции.

Закончив возиться, озираясь по сторонам, чтобы случайно не попасть в какую-нибудь неприятную ситуацию, боец подхватил сумку, поправил выбившиеся из-под шлема светлые волосы и пошел в сторону леса, спеша укрыться под сенью деревьев.

«Да уж, не соскучишься», – думал он, пробираясь по высокой траве.

Этот нескончаемый день начался для него почти сутки назад, с утренней зарядки после подъема, во время которой бойцы пробежали несколько километров по лесной дорожке, периодически останавливаясь, чтобы присесть или поотжиматься под громкие команды командира роты. Затем, разгоряченные, они быстро умылись холодной водой. Сразу после скудного завтрака их второй батальон 204-й воздушно-десантной бригады 1-го воз-

душно-десантного корпуса совершил марш-бросок на полигон, находящийся недалеко от Борисполя, что под Киевом, в двенадцати километрах от расположения бригады. Как обычно, это расстояние тоже преодолели бегом, не останавливаясь ни на минутку. Впереди, казалось, был обычный день тяжелых занятий: боевые стрельбы по мишеням, обучение диверсионным методам ведения борьбы, рукопашному бою. Командиры спешили как можно скорее подготовить своих бойцов для встречи с реальным врагом, который несколько дней назад кованым сапогом перешагнул границу. И сейчас его войска быстро двигались вглубь советской территории. Где-то далеко уже шли жестокие бои, рекой лилась человеческая кровь, но здесь пока всё было спокойно. Только вдруг погасли огни в городке, соблюдая объявленный режим маскировки, да часто стали раздаваться сирены воздушной тревоги, предупреждая граждан о налете немецких бомбардировщиков, которые последние пару дней только усилили свою активность, нанося бомбовые удары по киевским заводам, складам, жилым домам.

Несмотря на изнурительные занятия, никто не ныл, понимая всю серьезность происходящего. Только неопределенная тревожность постоянно висела в воздухе, нагнетая и без того тяжелую обстановку. Ивану как заместителю политрука взвода работы значительно прибавилось. Приходилось обсуждать с ребятами последние сводки, составлять агитационные листовки, вырабатывая у сослуживцев чувство справедливой мести к врагу, как говорил сам политрук. И хоть уставал сильнее обычного, тем не менее прекрасно осознавал важность своего дела, стараясь вкладывать в него всю душу.

В перерыве между занятиями бойцы успели пообедать горячим борщом и кашей с тушенкой, которые старшина вместе с поваром доставили прямо на полигон в металлических термосах. А затем снова стрельбы, метание ножей по мишеням, обучение подрывному делу, ориентированию. Десантников готовили к действию в тылу врага, где любая оплошность могла привести к необратимым последствиям. Поэтому учили жестко, спуска и поблажек не давали.

– Цена ошибки, даже самой маленькой, – человеческая жизнь. Поэтому тысячу раз повторю: голова нужна для того, чтобы думать, а мозги – чтобы соображать. Уметь моментально принимать правильное решение – вот залог успеха. Мамок с папками там, за линией фронта, не будет. Впрочем, как и другой помощи, так что рассчитывать придется только на свои силы и плечо товарища, – твердил им командир батальона капитан Солоп Петр Тихонович, успевший насмотреться ужасов войны еще во время финской кампании. И они верили его словам, тренируясь до седьмого пота.

Иван усмехнулся: всё это было вчера, а уже сегодня, рано утром 29 июня, их батальон оказался в соседней Белоруссии, где в любой момент можно лицом к лицу столкнуться с фашистами. И это была не учебная тревога, а настоящее боевое задание.

Как обычно, всё началось сумбурно и неожиданно. Занятия закончились в десять часов вечера, и уставшие десантники отправились назад в лагерь. Возвращаясь с полигона, Иван с грустью думал о том, что после отбоя придется задержаться, чтобы узнать новости с фронта и успеть составить новый боевой листок. Ведь с утра послушать радио не получится, а днем, в короткие минуты отдыха, нужно будет обсудить со взводом произошедшее за последние сутки. Политрук поручил это Ивану, а сам занялся подготовкой собрания, на котором кроме прочего должны были рассмотреть заявления нескольких бойцов, пожелавших вступить в комсомол.

Не успели отойти на километр, как со стороны Борисполя на бешеной скорости примчалась полуторка, подняв тучу пыли на дороге и ослепив ярким светом идущий строй. Выскочивший из кабины посыльный под легкий матерок со стороны уставших десантников, которым совсем не хотелось глотать поднятый колесами песок, кинулся к комбату, передав тому приказ срочно явиться в штаб бригады. Взволнованный Солоп, отправив посыльного в кузов, забрался в кабину автомобиля, который, развернувшись, бодро рванул назад, быстро скрывшись за поворотом. Лишь какое-то время отблеск фар небольшими пятнами всё еще отражался на затянутом облаками небе.

Бойцы продолжили свой путь, обсуждая, чем же могла быть вызвана такая спешка.

– Никак воевать пошлют, – озвучил кто-то мысль, витавшую в воздухе.

– Да ладно, так быстро это не делается. Всяко нужно время, чтобы отдохнули и собрались, – говорили одни.

– Мы же десантники, нас в любой момент могут дернуть, – отвечали другие.

Так, негромко переговариваясь, быстрым шагом, а кое-где и перебежками, за час с хвостиком добрались до городка. Не успели привести себя в порядок перед ужином, как последовала команда на построение.

Слегка взволнованным голосом командир батальона зачитал приказ, согласно которому через час их батальон должен быть на аэродроме Борисполя в готовности вылететь на первое боевое задание в район белорусских поселков Озаричи, Любань, Волосовичи, что севернее Мозыря Полесской области. Десанникам предписывалось действовать по тылам противника в направлении Глуска, Паричей и Шатилок. В процессе нужно будет вести разведку, разрушать коммуникации и наносить максимальный вред группировке немцев, которая, сильным броском разрезав обороняющиеся советские дивизии под Слуцком, вырвалась вперед и вчера вечером, 27 июня, захватила крупный узловый город Бобруйск.

Конечно, никто из солдат, стоящих в строю, да и сам комбат, не знал, что защитники города, не имея достаточных сил для обороны, в последний момент сумели взорвать мосты через протекающую на восточной окраине широкую Березину и отойти на противоположный берег. Поздно ночью небольшой отряд местного автотракторного училища переправился обратно и под покровом темноты выбил немецкий авангард из старой крепости, но утром оставшиеся в живых курсанты, под сильным давлением превосходящего врага, были вынуждены вернуться за реку. А сегодня фашисты нащупали броды и начали сооружать переправы, отбросив небольшие отряды красноармейцев и курсантов на добрый десяток километров. В настоящее время танковая группа вермахта, поддержанная авиацией, рвется дальше, к Днепру. И в этот же самый день вражеские войска вошли в столицу Белоруссии город Минск, завершив окружение нескольких советских армий, стоящих на западных рубежах страны. Таким образом, за неделю немцы преодолели одну треть пути до Москвы.

Не ожидавшее таких темпов, успев потерять несколько десятков дивизий в приграничных боях, командование РККА требовало любой ценой задержать врага, заставить перейти к обороне или затормозить его быстрый бег, чтобы дать возможность новым войскам, в срочном порядке выдвигаемым из глубокого тыла, занять свои позиции. Слабо владея обстановкой, в паническом ажиотаже хватая всё, что попадало под руку, армейские штабы стремились заткнуть дыры трещавшей, как гнилое одеяло, обороны. Для этого второй десантный батальон 204-й воздушно-десантной бригады в спешке и перебрасывался так далеко.

Одновременно в самой Белоруссии, севернее Староваршавского шоссе, для действия на участке Слуцк – Бобруйск со стороны Марьиной Горки выдвигалась 214-я воздушно-десантная бригада полковника Левашова. Строя планы, командование фронта продолжало рассчитывать на отходящие со стороны границы советские дивизии, не представляя себе, в каком плачевном состоянии они находятся.

Дав на ужин десять минут, Солоп приказал по окончании заняться подготовкой к вылету. Наспех заглотив еду, уставшие бойцы принялись в спешке получать боевые патроны, гранаты, грузили в полуторки парашюты, боеприпасы, сухой паек. Шум и гам витали в ночном воздухе, только усиливая суматоху. Выброску десанта планировали осуществлять двумя эшелонами. В первом вылетали четвертая и пятая роты, а также штаб батальона. Следом за ними, вторым эшелонам, предстояло десантироваться шестой роте и специальным подразделениям.

– От, ядрена кочерыжка, – повторил любимое выражение ротного старшины стоящий рядом с Иваном в очереди за патронами Сашка Полещук, невысокий полноватый брюнет с

припухлыми губами, – почему нельзя всё спокойно сделать, не торопясь? Собрались бы и вылетели на час-другой позже. Поспешишь – людей насмешишь! Знаешь такую поговорку?

– Кто ж не знает, – отмахнулся Иван, – только, дурья твоя башка, сам рассуди. Ночью оно по-любому безопаснее будет. Утром в любой момент можно на немецкие истребители нарваться. И тогда хана нам с тобой наступит еще в воздухе. На наших-то тихоходах особо не скроешься. Собыют, как в тире.

– Накаркай еще, – злобно вмешался политрук. – А вам, товарищ красноармеец, – он повернулся к Полещуку, – хочу напомнить, что приказ есть приказ. Наше дело его выполнять, а не обсуждать. Ясно вам?

– Так точно, ясно, – недовольным голосом ответил Сашка.

– А ты, Смолин, – политрук ткнул Ивану в грудь, – посматривай за своим дружком. Еще раз услышу подобное, оба на беседу к особисту пойдете. Понятно?

– Так точно!

Собравшись, десантники ускоренным маршем двинулись к находившемуся неподалеку аэродрому.

– Эх, – сокрушался Иван перед своим другом, таким же невысоким и светловолосым, как он сам, Прокофьевым Тимохой, – не успел с Олесью свидеться. Хоть поцеловать напоследок, да глаза ее голубые в последний раз увидеть. А то мало ли что впереди.

– Ты-то ладно, Олесья, чай, тебе не жена, а вот командиров жалко. Солоп ведь никого не отпустил с женами да детьми попрощаться. Посмотри, какой взводный грустный идет. В гроб и то краше кладут. У него жена молодая, да недавно сынишка родился. А, говорят, у лейтенанта на войне жизнь очень короткая.

– Кто говорит? – буркнул погруженный в свои мысли Иван.

– Не помнишь, как старшина про финскую рассказывал? Кукушки-то ихние в первую очередь командиров убивали. Думаешь, в этой войне по-другому будет? Так что не завидую я нашему Луценко. Помяни мое слово, сын сиротой вырастет.

– Типун тебе на язык и десяток снизу. Что такое говоришь?

– А то и говорю, что другие знают.

– Дурак ты, Тимоха, и мысли у тебя дурацкие!

– Сам такой, – обиженно ответил парень. – Только представь на минуточку, что у вас с Олесью сейчас дети были бы. А тебя к немцам в тыл. Не, брат, лучше жениться, когда войны никакой на горизонте нет, спокойнее. Плодить сирот – дело нехитрое. Сам знаешь, я своих родителей в жизни не видел. В детском доме вырос.

– Так они ж у тебя не в войну погибли.

– Бандиты убили. Мне так воспитательница рассказывала, когда подрос. Только мне от этого не легче. Да и не верил ей. Думаешь, мало слез в подушку пролил, когда маленький был? Одна только и мечта была, чтобы папка с мамкой объявились. Поэтому женюсь тогда, когда ни войн, ни бандитов в стране не останется.

– Этак ты бобылем и помрешь, – улыбнулся Иван.

– Лучше уж помру, чем дети сиротами расти будут. Никому не пожелаю такой доли. Поверь, знаю, о чем говорю. Поэтому и жалко мне сейчас сынишку взводного, и ты меня не переубедишь.

– Я и не пытаюсь, – фыркнул Иван, стараясь шагать в ногу со всеми. В голове пронеслось тяжелое воспоминание об отце. Отгоняя его, стал на ходу поправлять винтовку и ремень с тяжелыми подсумками, набитыми обоймами с патронами.

Вскоре в темноте показался аэродром. На краю поля проступали огромные, более восьми метров в высоту, тяжелые четырехмоторные бомбардировщики ТБ-3, переделанные в транспортные самолеты. Вдоль них, матерясь, бегал высокий худощавый бритоголовый человек в звании полковника. Это был сам командир бригады – полковник Гудков Иван Потапо-

вич, человек весьма крутого нрава. Командиром 204-й воздушно-десантной бригады он стал совсем недавно, в начале мая 1941 года, прибыв из 12-й кавалерийской дивизии, где служил начальником штаба. Вероятно, этому поспособствовали товарищеские связи с другим бывшим кавалеристом – генерал-майором Усенко Матвеем Алексеевичем, командовавшим 1-м воздушно-десантным корпусом, в состав которого входила бригада. Не сумев как следует разобраться в тактике и особенностях применения подчиненной воинской части, Гудков глушил свою некомпетентность громкими криками, нередко срываясь на брань.

Вот и сейчас в его монологе, которому позавидовали бы матерые сапожники, выразилось всё: спешка с началом операции, неготовность пилотов, отсутствие точных штурманских карт, незаправленность самолетов бензином, несвоевременность прибытия десантников. Своей руганью полковник только усиливал всеобщую суматоху, творящуюся вокруг, где с серьезными лицами хаотически сновали десятки людей, занятые какими-то, только им понятными, делами.

Несколько дней назад, 25 июня, немецкие пилоты нанесли первый удар по аэродрому. Хорошо, что большая часть самолетов базирующегося здесь 14-го тяжелого бомбардировочного полка находилась в другом месте, около Гоголево под Полтавой. Поэтому вражеские бомбы лишь испортили взлетную полосу да разбили несколько зданий. И лишь благодаря зенитным пушкам удалось загнать немцев на значительную высоту, откуда они не смогли прицельно отработать по целям. Сейчас, в темноте, о бывшей бомбардировке напоминали лишь еле уловимый запах гари да развалины склада запчастей, мимо которого прошли десантники.

От высокого, сутулого и очень худого механика Георгия, знакомый журавлиный силуэт которого Иван рассмотрел сквозь темноту да вспышки карманных фонариков, удалось узнать, что в этот же день, вместе с бориспольским, фашисты бомбили и гоголевский аэродром, где им удалось уничтожить один ТБ-3. Хорошо, что остальные машины не пострадали. Были, конечно, осколочные пробоины еще у нескольких, но их уже залатали. А всего пару часов назад машины перегнали сюда. И сейчас целых двадцать четыре самолета в авральном порядке готовятся к новому вылету, чтобы доставить десант на место.

– Латки на корпусе – это как шрамы у мужчины, – весело закончил механик, – украшают самолет. Всё-таки боевая машина, а не хухры-мухры. Ладно, Ваня, побежал я, у одного самолета мотор барахлит, надо карбюратор глянуть – похоже, с жиклёром беда. Командир прибьет, если до взлета не сделаю. Удачи вам, – он пожал Ивану руку, схватил свой чемоданчик с инструментами и скрылся в темноте.

– Спасибо, – только и успел ему вслед сказать Иван.

– У летунов уже первое крещение было? – переспросил Тимофей, не расслышавший до конца весь разговор.

– Похоже на то. Побомбили их фрицы.

– Да уж, мы-то под любым деревцем, в любой ямке бомбежку переждать можем, а вот такую машину попробуй замаскируй. У нее же размах крыльев почти сорок метров. Побольше шакалота.

– Кашалота, неуч, – поправил товарища Иван.

– Да какая разница, – махнул рукой Тимофей. – Большущие, в общем.

Выстроив батальон, комбат приказал приступить к надеванию парашютов, которые успели подвезти, и общей подготовке к десантированию. Снова закипела привычная работа. Нужно было запаковать в сумки оружие и повесить его на себя, плотно притянуть амуницию. Сверху всю эту конструкцию завершала подвесная система с тяжелым парашютным ранцем. Обычно это делали засветло, ночных прыжков батальон еще не совершал. Командиры торопили, подгоняли своих солдат, чтобы доложить о готовности к положенному времени.

Разгоряченные десантники наконец-то выстроились на краю поля, вытирая пот и ожидая погрузки. Между тем оказалось, что самолеты еще не готовы к вылету, поэтому пришлось долго сидеть на траве, откинувшись на парашютные ранцы, чтобы не так сильно затекала спина.

– Нагрузят, как ломовую лошадь, таскай потом это барахло с собой, – бурчал недовольный Тимофей.

– Тимоха, хватит скулить, – перебил его Иван, – не к теще на блины едем. Я бы еще больше патронов захватил, если б старшина не зажал.

– Можно же у гитлеровцев оружие забрать с припасами. Да и харчеваться за счет местных колхозников. Они же должны нам помогать. В конце концов, мы их от немцев спасать летим.

– Ничего они нам не должны, – возмутился Иван. – Если мы начнем у людей продукты отбирать, то чем от бандитов будем отличаться? Или ты думаешь, что в деревнях кулак на кулаке сидит и закрома ломаются от урожая? Помочь, конечно, они помогут в трудный момент, но ведь нельзя только на них рассчитывать. Да там и остались, наверное, одни бабы с детьми. Мужиков-то, поди, всех мобилизовали. А чтобы оружием у немцев разжиться, нужно для начала с ними в бой вступить и победить. Или ты думаешь, что фриц от одного твоего вида в штаны наложит и сам винтовку отдаст?

– Ох и вредный ты, Ваня, – хлопнул себя по коленкам Тимофей. – Я ему пытаюсь объяснить, как сделать, чтобы полегче было, а он ни в какую.

– А что мне объяснять? Ты пойми, легче не будет. Наоборот.

– Ну и черт с тобой, – пробормотал обиженный друг и отвернулся. – Не хочешь слушать, дай хоть вздремнуть. Кто его знает, когда отдых будет.

Но поспать не получилось. Через полчаса десантников подняли, и, разделившись на группы согласно заранее подготовленному расписанию, они бегом отправились на поиски своих самолетов. Командир бригады продолжал громко материться, торопя подчиненных. И так уже задержались, а любая просрочка могла обернуться непредвиденными проблемами. К тому же получать выговор от командира корпуса за несвоевременный вылет очень не хотелось. Страшная неразбериха, усугубленная темнотой, продолжалась.

– Скорее, мать вашу, – орал Гудков, – взлетать пора, а вы как пленные коровы плететесь!

Минут через десять перебегания от одного воздушного судна к другому группа, в которой был Иван, наконец-то отыскала нужный самолет и быстро загрузилась в него. Около бомболюков уложили плотно упакованные мешки с боеприпасами и продуктами. Старшим их команды был сам командир взвода младший лейтенант Луценко, тот самый, о котором Иван с Тимохой говорили во время марша. Взводный, отгоняя от себя тяжелые мысли о семье, полностью погрузился в предстоящую операцию. Его спокойный голос вселял в солдат уверенность, что всё идет как надо.

– Ну что, бойцы, устроились? – сквозь шум работающих моторов прокричал спустившийся из кабины летчик в кожаном шлеме, застегнутом под подбородком.

– Так точно, все на местах, – ответил Луценко, окинув взглядом подчиненных.

– Ну, тогда держитесь, начинаем рулёжку. – Пилот скрылся в кабине, и уже через минуту, дернувшись, самолет стал вырывать на взлетную полосу, занимая свое место среди остальных машин.

– Всё, наконец-то. – Луценко снял шлем с головы и вытер пот. – Сумасшедшенький денек. Лететь долго, – громко обратился он к бойцам, – так что ляды не точите, устраивайтесь поудобнее и постарайтесь отдохнуть, ближайший привал будет не скоро. Действуем как на учениях. Сбор по моему сигналу или по сигналу сержанта Волкова. Если со мной что-то случится, он за старшего. Понятно?

– Так точно, – нестройно заорали десантники.

– Все работают по своим местам, как учились. Как только штурман покажет сигнал, я дам отмашку. На выброске не задерживаемся, начинаем сразу по моей команде. Кто будет

медлить, получит пинка под зад. Чем кучнее отделимся, тем скорее соберемся. Надеюсь, это тоже ясно? После приземления сворачиваем парашюты и галопом к месту сбора, чтобы на открытом пространстве никого через минуту не видел. Усекли?

– Так точно, товарищ младший лейтенант, – за всех ответил Волков Абрам, высокий крепыш с сержантскими треугольниками в петлицах.

– Волков, – Луценко повернулся к нему, – стоишь около двери и смотришь на меня. Только махну и ребята начнут с крыла сигать – сразу даешь команду тем, кто будет сбрасывать мешки и прыгать в бомболюк. Сам крайним выходишь. Я с крыльев всех выпущу и тоже отделюсь.

– Не переживайте, товарищ младший лейтенант, всё будет хорошо, – улыбнулся сержант.

– Ага, будет, знаю я вас. – Взводный тяжело вздохнул, набрал воздуха и продолжил инструктаж: – Те, кто с левого крыла будут прыгать, у вас старшим, как обычно, младший сержант Ермолаев. Смотреть всем на него. А ты, Ермолаев, смотри за штурманом. Моей отмашки не увидишь из-за фюзеляжа, а вот его команду, будь любезен, рассмотри.

– Есть смотреть за штурманом! – рявкнул младший сержант, худощавый детина с выбивающейся из-под шлема копной рыжих волос.

– Напоминаю! – Луценко поднял указательный палец. – За трос держаться крепко, чтобы никто раньше времени не свалился. При посадке внимательно, ноги не переломайте, всё-таки в темноте садимся. А значит, в тысячу раз бдительней нужно быть. После приземления не шуметь. Летим в тыл врага, он не должен знать, что мы у него в гостях. Иначе нам сильно не поздоровится. Если вдруг во время высадки наткнемся на фрицев – принимаем бой и, по возможности, отступаем к ближайшим укрытиям. Ваша задача – оторваться от противника. В случае столкновения с немцами про основное место сбора забудьте. Встречаемся на запасном. А теперь всем застегнуть шлемы.

Ревя моторами, самолеты, разогнавшись, один за другим стали уходить в небо. Наконец, дошла очередь и до их судна, которое, грохоча колесами по неровной поверхности взлетки, оторвалось от земли и стало медленно набирать высоту. Иван откинулся назад, упершись спиной в холодный дюралевый борт, прикрыл глаза. Усталость давала о себе знать, но тревожные мысли о ближайшем будущем мешали погрузиться в дремоту, хотя мерный рокот самолетных движков, казалось, совершенно не раздражал. К тому же, после того как машина набрала высоту, в салоне похолодало.

Иван не страшился выйти из самолета с парашютом за спиной, это был уже десятый прыжок за год его службы в воздушном десанте. Расслабиться мешало чувство неопределенности и собственной неудовлетворенности, печалило то, что всё-таки не успел попрощаться с Олесью. Мысли сумбурным клубком роились в голове, смешиваясь, как продукты в кастрюле. А вдруг девушка подумает, что он нарочно не пришел к ней? И всё это из-за той мелочной обиды, которая промелькнула между молодыми людьми неделю назад. Кто их поймет, этих женщин? Вроде слова плохого не произнес, когда она прибежала на проходную, чтобы увидеть его, догадавшись, что скоро десантники уедут на войну. Иван всего лишь хотел успокоить милую, пообещав, что армия скоро прогонит фрицев обратно и уже через пару месяцев он пришлет фотографию из поверженного Берлина. А Олеся обозвала дураком и сказала, что очень боится за него, так как видела плохой сон. В ответ парень рассмеялся, обозвав всё это глупостями. Но девушка вдруг расплакалась. Надо было ее утешить ласковыми словами, но в этот момент Ивана вызвали в роту, и он успел только быстро поцеловать девчонку в соленые губы и тут же убежал не обернувшись. А Олеся еще долго стояла на том самом месте, прикрыв заплаканные глаза ладонями. Теперь, вспоминая их последний разговор, Ивану было не по себе – непонятно же, когда батальон вернется назад. И вернется ли? Ведь летят на другой фронт, на Западный. Увидит ли он еще раз девушку? Дождется ли она его? В свою возможную

смерть Иван не верил. Как это так – взять и погибнуть? В своих мыслях он уже десятками громил немецких захватчиков, не получая ни одной царапины.

Иван толкнул сидящего рядом Тимофея.

– Не спишь?

Тот открыл глаза и недовольно буркнул:

– Уснешь тут. Один толкает, второй воздух портит, самолет гудит, пулемет в спину колет, парашют на плечи давит, да и затекло всё.

– Хотел бы спать по-настоящему, ничего не помешало бы, – усмехнулся Иван. – Вспомни, как ты в наряде дежурного проворонил.

– Да уж, – кивнул Тимофей, – первый раз в жизни стоя уснул. И казалось же, что только разок моргну – и всё. А очнулся от того, что дежурный по бригаде за плечо трясет. Вот так и получилось: один раз глазки прикрыл, потом три наряда вне очереди пришлось тащить.

– Что-то и мне не дремлет. Тревожно как-то. Да и Олеська из головы не выходит. Нехорошо в последний раз получилось.

– Да не переживай ты так. Пообижается и успокоится. Ты же ей повода не давал. Баба – глупое существо. Сама что-то придумала, сама обиделась, сама и успокоится.

– Ты как будто знаток в таких делах?

– Уж побольше некоторых буду. – Тимоха прикрыл глаза. – Это ты у нас совсем птенец. А кругом уже настоящие орлы.

– Это ты насчет Анки хвастаешься? – рассмеялся Иван, вспоминая любовные похождения друга к жене одного из аэродромных инженеров Борисполя.

– Не только про нее. Хотя баба была – просто огонь. Если бы нас тогда ее муж не застукал, точно после службы к себе бы забрал.

– Ага, помню, как ты без штанов по улице бежал, а он за тобой с дрыном. Солоп потом еле тебя из гауптвахты вытащил. Инженер сильно обиделся, такую телегу накатал, что расстрелять было мало. Ребята говорят, что комбат на ящик водки твою свободу у коменданта выменял. Сам к инженеру ходил, чтобы тот заявку забрал и за женой получше смотрел. Грозил, что в случае чего заявление напишет о соращении бойца. Ох и скандал же был. Еле замяли. Натворил делов, орел ты наш.

– Было дело, – довольным голосом подметил Тимоха. – Комбат – настоящий мужик, не дал в обиду. Правда, потом полгода ни одного увольнения не было.

– Ты своей голой задницей всю атмосферу в городе перевернул, – вмешался в разговор Полещук Сашка. – Барышень в краску вогнал от созерцания твоего галопа. Хорошо еще, что кальсоны не потерял на ходу.

– Так я их руками держал, – рассмеялся Тимофей, – правда, бежать в таком положении жутко неудобно, как оказалось. Вот поэтому меня инженер едва не догнал. Хорошо, что я успел на проходную заскочить, а его дежурный не пустил. Иначе бы точно несдобровать. Ну и поделом ему, нечего без предупреждения раньше положенного на обед приходить. Вернулся бы на полчаса позже – и всё, никаких проблем. Котлеты и борщ на столе, жена довольная. Так что сам виноват. – Тимоха расплылся в улыбке.

Внезапно самолет качнуло, он стал заваливаться на крыло, уходя вбок и увеличивая скорость. Снаружи раздались негромкие хлопки. Что-то мощное ударило в борт, пробило его насквозь, оставив рваное отверстие аккурат между двумя сидящими десантниками, и вышло с другой стороны самолета.

Выглянув в небольшой иллюминатор, Иван увидел несколько цепочек трассирующих пуль, тянущихся вверх со стороны земли. Бойцы заволновались, зашумели, не понимая, что происходит.

– Тихо! Всем молчать! – громко крикнул Луценко, предотвращая панику. – Сейчас разберемся.

Он направился в кабину к пилотам. Через минуту вышел, с недовольным лицом сел на место.

– Товарищ младший лейтенант, что это было? – взволнованно спросил один из десантников.

– Что-что, Бровары это, мать их, – выругался взводный, – местный узел ПВО. За немцев нас приняли, вот и открыли огонь.

– А как так?

– Да вот так! – дернул головой Луценко. – В этой суматохе их не предупредили, а ночью не видно, наш самолет или немецкий. Всё через задницу!

– Вот ее, родимую, едва не оторвало, – сказал бледный солдат, сидящий рядом с пробитой скамейкой. – Еще десять сантиметров в сторону – и всё, убило бы на хрен.

– Ну не убило же! – Взводный встал в проходе. – Чуть позже лично им спасибо скажешь. А сейчас успокоились, вроде миновали.

Встревоженные бойцы немного пошумели, в красках обсуждая, что сделают с зенитчиками по возвращении (не хватало еще погибнуть от своих же снарядов!), затем успокоились.

Чтобы как-то отвлечься от мыслей об Олесье, Иван стал думать о предстоящем прыжке. Ну и что, успокаивал он себя, пусть и ночной. Он же ничем не отличается от обычного. Всё как днем, только необходимо быть готовым к внезапному касанию с землей. В голову пришли воспоминания о первом прыжке. Несколько дней их готовили, как правильно ставить ноги на приземлении, раз за разом заставляя прыгать с небольшого тренажера, построенного в лагере. Это был невысокий деревянный помост, к которому вела лестница. Нужно было взобраться по ней, подойти к краю и, сжав ноги, спрыгнуть в песок. Упражнение они проделали несколько десятков раз, отбив все пятки. Зато потом всё прошло без происшествий, не так, как в первом батальоне, где было два случая перелома ног. Что касается самого прыжка, то от него в голове остались только страх перед открытой дверью и сильный вой ветра в ушах. Иван никак не мог вспомнить, как дернул кольцо, – видимо, рука сработала автоматически. Затем последовал сильный толчок, и он завис под белым куполом. Вот тогда и испытал ни с чем не сравнимое удовольствие, любуясь окрестностями и чувствуя себя птицей. Правда, следующие несколько прыжков тоже вызвали сильный ужас, особенно когда подходил к открытой двери и далеко внизу видел землю. Ноги тут же становились ватными, потели ладони. И каждый раз приходилось преодолевать это паническое состояние, заставляя себя сделать решающий шаг. Но стоило куполу открыться, страх моментально пропадал, уступая место радостному восхищению. Наконец наступил такой момент, когда чувство предвкушения удовольствия от прыжка победило.

Равномерный гул моторов успокаивал, тревожные мысли постепенно ушли на задний план, отогнанные накопившейся усталостью. Иван закрыл глаза и задремал.

Очнулся от того, что Тимофей тряс его за плечо.

– Ванька, просыпайся, подходим к точке.

Из кабины пилотов вышел Луценко.

– Внимание, идем в плотной облачности. Прыгать, соответственно, будем в нее. Так что аккуратнее, особенно при приземлении. Помните всё, что говорил, – взводный напоследок громко инструктировал бойцов, – внимательно с сигналом на отделение. Те, кто прыгает с крыльев: трос влажный, поэтому держитесь крепко, чтобы не соскользнуть раньше времени. А то потом хрен найдется.

Через минуту спустился один из членов экипажа, поднял руку, призывая приготовиться. Десантники встали со своих мест. Луценко открыл дверь, и в салон ударил поток сильного прохладного ветра. Иван, стоящий недалеко, поежился. Взводный, ухватившись руками за проем, постоял пару секунд, пытаясь рассмотреть другие самолеты, которые должны были находиться поблизости, но сквозь темно-серую пелену густого тумана ничего не увидел. Затем командир

уцепился рукой за натянутый трос и выбрался на крыло. Оттуда, удерживаясь на ветру, поднялся повыше, чтобы видеть штурмана, сидевшего в носовой части открытой кабины. За ним тут же последовали другие парашютисты, занимая свои места перед прыжком. Одни выбрались на правое крыло, другие, через небольшую дверцу, – на левое. Те, кто был назначен сбрасывать имущество, открыли бомболюк, замки которого еще на земле были укрыты фанерой, чтобы десантник в момент прыжка не зацепился за торчащие острые края. Какое-то время так и летели, замерев в тревожном ожидании.

Иван крепко держался за трос, стоя на гофрированном крыле. Как и другие, он пытался хоть что-то рассмотреть вокруг, однако увидеть рядом стоящего соседа было трудно, не то что хвост собственного самолета или другие машины. Казалось, они висят на одном месте в густом облаке, и только мерные подрагивания корпуса и сильный мокрый ветер подсказывали, что полет продолжается.

Внезапно, с передней части крыла, возникла фигура взводного. Одной рукой он держался за трос, а другой отчаянно махал.

– Пошли! – Луценко кричал что было сил, давая команду на отделение.

«И как он смог разглядеть белый флажок штурмана?» – успел подумать Иван.

В этот же миг всё пришло в движение. Десантники скользили вниз и один за другим уходили в пустоту ночного неба, сваливаясь с крыла и тут же исчезая в облаке. Вот отделился первый, за ним другой, третий. Когда очередь дошла до Ивана, то он, стараясь не задерживать товарищей, отпустил трос и, сильно оттолкнувшись, нырнул вниз. Тело за короткие секунды привычно приняло нужную позу, и только после этого он дернул кольцо, выпуская белое полотнище из ранца...

Со стороны леса раздался тройной крик птицы. Иван на секунду остановился, прислушиваясь, затем направился в сторону звука, поданного взводным. Над полем стояла тишина, но она могла оказаться обманчивой, поэтому солдат торопился. Только укрывшись за деревьями, испытал облегчение.

Когда добрался до места сбора, рядом с Луценко уже было несколько бойцов. В течение получаса собралась вся группа, даже удалось найти сброшенные с парашютами мешки.

– Странно, никого больше нет, – в замешательстве сказал взводный. Он рассматривал карту, укрывшись плащ-палаткой и подсвечивая себе фонариком. – Наверное, пилоты что-то намудрили с выброской. Конечно, – тихо пробурчал он себе под нос, – темно, да еще и облачность.

– Ладно. – Через несколько минут томительного ожидания Луценко встал. – Выдвигаемся к точке сбора батальона. Судя по всему, разбросало нас здорово, сейчас идем на север, там вроде петух кричал – видимо, жилье есть, а попутно постараемся найти топографическую привязку, чтобы сориентироваться.

– Товарищ младший лейтенант, – Иван подошел поближе, чтобы не говорить громко, – когда спускались, я трубу видел, похожа на заводскую. – Он махнул рукой в сторону, где, по его мнению, должен был находиться этот значимый ориентир.

– А мне показалось, что звук поезда слышал на севере, – вмешался Сашка Полещук, – и просеку рассмотрел, ровную. Может, это и есть железка?

– Нет у меня на карте ни труб, ни железных дорог, – задумчиво сказал взводный. – Никому не расслабляться. Вероятно, мы находимся в немецком тылу, уши держать наготове. Действовать как учили, а сейчас идем искать остальных.

Выслав вперед трех человек во главе с Волковым, взвод двинулся следом. Десантники настороженно взглядывались в наступавшее утро и сжимали оружие, чтобы немедленно отреагировать на возникшую опасность.

Через несколько часов ходьбы по лесу впереди раздался слабый звук идущего поезда. Железные колеса мерно грохотали по стыкам рельсов, выбивая глухую ритмичную мелодию.

Луценко поднял руку, давая команду остановиться. После этого снова вытащил карту и стал пристально ее изучать.

– Если допустить, что летчики выбросили нас дальше, то, скорее всего, мы сейчас вот здесь, – бормотал он под нос, проводя пальцем по бумаге. – Вроде всё сходится: железная дорога и труба. Только это не завод, а водокачка на станции. Получается, здесь, – взводный ткнул в небольшой участок, – железная дорога из Бобруйска. Отлично, до места сбора почти полсотни километров. Вот это промахнулись, – проворчал он, убирая карту.

Покрутив головой, Луценко внимательно посмотрел на окружавших его бойцов и усмехнулся.

– Как говорят перед дракой на свадьбе: кому-то надо начинать. Значит, так, товарищи, мы с вами находимся в глубоком немецком тылу. Впереди железная дорога, по которой враг получает помощь. Наша задача – на несколько часов прервать это сообщение, чтобы дать передышку тем, кто сейчас льет кровь на передовой. Приказываю подобраться поближе к станции, провести разведку. Если немцев нет, то взорвать рельсы и, по возможности, водокачку. Без нее в паровозы не залить воду. Если на станции фрицы, то будем действовать по обстановке, в бой не вступаем. Рельсы рванем в другом месте. Задача ясна?

Ответом ему послужило согласное кивание.

– Ну, тогда подготовили оружие, взрывники, забирайте свое добро – и вперед.

Перегруппировавшись, взвод двинулся в путь. Пока добирались до железной дороги, по ней успело проскочить еще два эшелона. По мере приближения к железке звук проходящих составов становился более сильным, раскатистым и еще долго тянулся за ушедшими вагонами, словно старался их догнать.

– Тяжелые идут, – негромко сказал Сашка, – вот падлы, всё везут и везут. Ничего, сейчас мы им дадим прикурить.

Вскоре от Волкова прибежал посыльный. Дозор вышел к самой станции и принялся наблюдать.

– Товарищ младший лейтенант, – докладывал боец взводному, – немцев на станции не видать. Только что прошел обходчик, и всё, пусто. На водокачке никого.

– Командир, – политрук взвода подошел поближе и взял Луценко за локоть, – что-то не нравится мне эта тишина. Как-то всё не по-военному здесь.

– Да у самого предчувствие странное. – Взводный почесал затылок. – Ты прав, тишина пугает. Тыл тылом, но движения должно быть больше. Да и неужели фронт так далеко ушел, что даже раскатов орудий не слышно? Значит, так, – Луценко выпрямился, – заминировать рельсы и водокачку, без приказа ничего не взрывать. Смолин, Прокофьев и Полешук – проведи разведку на самой станции, при возможности расспросить у гражданских о наличии немцев и обстановке. Смолин – старший. Особо на рожон не лезть. Остальные в это время окружают станцию. Быть готовыми к бою, но, повторяю, без команды не стрелять. Всем ясно? – Не дожидаясь ответа, командир взвода махнул рукой. – Выполнять.

После того как бойцы разошлись, Луценко пробрался поближе, залег на опушке леса и стал наблюдать за происходящим.

Иван вместе с Сашкой и Тимохой медленно, где ползком, а где перебежками, вплотную подобрался к рельсам, броском перебрались через них и спрятались за стеной небольшой хозяйственной пристройки.

– Тимоха, надо бы здание станции проверить. – Иван легонько толкнул товарища в бок. – Вдвоем пойдем. Сашка, прикрываешь. Что-то мне тоже это спокойствие не нравится, – повторил он слова взводного.

– Хорошо, сделаю. – Полешук снял автомат с предохранителя.

Иван высунулся из-за угла, внимательно посмотрел перед собой и кивнул Тимохе:

– Пошли!

Они выскочили и быстрым рывком добежали до здания, прижавшись к стене, словно это делало их невидимыми. Внезапно за углом послышались шаги, затем раздался скрип отворяемой двери. Ребята сильнее сжали оружие, посмотрели в сторону Полещука. Тот отложил автомат и жестами показал, что в здание вошел обходчик.

Иван ладонью вытер выступивший пот и кивнул Тимохе, призывая того двигаться дальше. Завернув за угол, бойцы подобрались к двери. Иван вытащил гранату, подготовив ее к броску: кто его знает, что ожидает там, внутри. Тем временем Тимоха легонько толкнул его в спину. Обернувшись, Иван увидел, что тот показывает вниз. Наклонив голову, солдат заметил дымящийся окурочок самокрутки, видимо, выброшенный обходчиком. Машинально поднял его и принялся. Нос резанул запах знакомого с детства самосада, который под окном растил отец.

– Наш табачок, не немецкий, – прошептал он Тимохе, хотя как пахнет немецкая сигарета, не знал. – Не похоже, что здесь фрицы есть. Ладно, давай зайдем. Я первый, ты за мной.

Подкравшись к двери, Иван рывком отворил ее и резко заскочил внутрь, вскинув руку с гранатой над головой.

В здании станции было довольно тихо, людей не было даже в зале ожидания, билетная касса тоже была закрыта. Лишь за крайней к выходу дверью раздавались негромкие звуки – там, видимо, находился вошедший недавно человек. Быстрым шагом десантники направились туда. Рванув ручку на себя, Иван, держа гранату перед собой, сделал короткий шаг и оказался в небольшом прокуренном кабинете. Из-за стола на него смотрел застывший начальник станции, рядом сидел ошарашенный железнодорожник. Наступила пауза.

– Не надо, не убивайте! – раздался тихий голос обходчика. Его натруженные, мозолистые, не отмывающиеся от мазута руки медленно поползли вверх. Вслед за ним взметнулись дрожащие кисти начальника станции, который от испуга не успел вытащить самокрутку изо рта, и она нелепо свисала с нижней губы, прилепившись к ней.

– Да мы это, свои, – замешкался Иван, опуская гранату. – Немцы есть на станции?

– Нету, – покачал головой обходчик. – А свои – это кто?

– Как кто? – вмешался в разговор Тимоха, стоящий за спиной друга. – Свои – это наши, советские.

– Михалыч, – обходчик повернулся к побелевшему начальнику станции, опуская руки, – говорят, наши.

– Немцы есть на станции? – снова повторил свой вопрос Иван.

– Я ж тебе сказал, нету. – Обходчик опасно посмотрел на Тимоху, который продолжал держать оружие наготове. – Вдвоем мы. Остальная бригада под Овруч уехала, там немцы рельсы разбомбили, восстанавливают. Раз эшелоны пошли, значит, отремонтировали дорогу, скоро вернутся.

– Вы кто такие будете? – хрипло спросил начальник станции, убрав окурочек с губы. – И что здесь делаете?

– Да свои мы, красноармейцы, на задании. – Иван засунул гранату за ремень.

– Какое у вас может быть задание в тылу? – Рука сидящего мужчины потянулась к телефону.

– Эй, дядя, ты это брось. – Тимоха отодвинул Ивана и направил винтовку в сторону сидевшего за столом. – Куда звонить собрался?

– Не твое собачье дело, молокосос! – взвился вдруг начальник станции. – Вместо того чтобы на фронте воевать, по тылам бегаете, людей пугаете? Да у меня инфаркт чуть не случился!

– Михалыч, успокойся! – прикрикнул на него обходчик, затем повернулся к Ивану: – Шли бы вы отсюда, хлопцы, не до вас. Видите, чуть человека не загубили, а у него и так сердце большое. Третьи сутки домой не вылезает с работы. Начальство кричит, эшелоны туда-сюда,

самолеты с крестами недавно пролетали, дорогу разбомбили. Ни поесть, ни поспать, по телефону передали, что немцы высадились где-то рядом, одни нервы кругом. А тут еще вы свалились. Идите своей дорогой, знать не хочу, как здесь оказались. Германцев лучше ищите, пока они вас не нашли.

– Семен Степанович, эшелон с беженцами сейчас пойдет по второму пути, – вмешался начальник станции. – Посмотри там, просемафорь.

– Ох ты, побежал я. – Обходчик резко подскочил и подошел к двери. – Пропустишь? – спросил он Тимоху. Тот посторонился.

– Черт, – выругался Иван, – надо Луценко сказать, а то рванут. – Он бросился вслед за обходчиком на улицу. Выскочив на перрон, принялся отчаянно махать руками, в надежде, что взводный увидит его.

– Ваня, ты чего? – раздался негромкий окрик Полещука, который высунулся из-за угла, удивленно наблюдая за товарищем.

– Сашка, беги к Луценко! – не переставая махать руками, закричал Иван. – Сейчас эшелон пойдет, наш, не надо взрывать.

– Ой, ё! – выдохнул Полещук и пустился бежать к опушке.

Через полчаса ситуация была разрешена. Заряды сняты, закопченный эшелон протасил за собой полтора десятка вагонов, из окон которых на солдат смотрели испуганные грустные лица женщин и заплаканных детей, покинувших свои края и отправившихся на восток, туда, где их никто не ждал.

Луценко, спрятав в нагрудный карман документы, которые тщательно изучили железнодорожники, тряс руку обходчику и начальнику станции, извиняясь.

– Да мы всё понимаем, – кивали те в ответ, – хорошо, что разобрались. Мы уж подумали, что немцы переодетые к нам ворвались, перепугались сильно.

Отойдя подальше в лес, Луценко остановил взвод.

– Так, ситуация прояснилась. Оказывается, не добросили нас пилоты, это другая железная дорога: от Овруча на Калинковичи, а не бобруйская. Немцев здесь нет и, надеюсь, очень долго не будет. Сейчас выдвигаемся к Калинковичам, будем искать остальных.

Взвалив на спину вещмешки, взвод двинулся по новому маршруту.

Глава 2

Через час быстрого марша вдоль железнодорожных путей от Волкова вновь прибежал посыльный.

– Товарищ младший лейтенант, – запыхавшись, подскочил он к взводному, – впереди слышны выстрелы, словно идет бой. Сержант приказал немедленно доложить вам.

– Да что ж за напасть такая?! – Луценко сплюнул себе под ноги. Приказав взводу приготовиться, он спешно повел его в сторону стрельбы, которая с каждой сотней пройденных метров слышалась всё отчетливей.

– Как думаешь, политрук, – Луценко бежал, расстегнув верхнюю пуговицу гимнастерки, – это тот самый немецкий десант, про который говорили железнодорожники?

– Да черт его знает, я в этой кутерьме совсем запутался, – тяжело дыша, отвечал тот, – на месте разберемся.

Между тем стрельба понемногу стала затихать, кое-где еще раздавались редкие выстрелы, но после каждого из них над лесом эхом доносилось чье-то мощное ругательство.

– Вроде по-нашему матерятся. – Задыхаясь от бега, Тимофей вопросительно взглянул на Ивана.

– Так это, может, и не немец орет. Нарочно не придумаешь, в одном месте и в одно время два десанта: один наш, другой германский.

– Ну-ка тихо мне, – прикрикнул на них Луценко, – соблюдаем тишину. – Остановившись, он приказал взводу развернуться в цепь. Вскинув оружие на изготовку, десантники не спеша двинулись дальше, готовые к любым неожиданностям.

– Стоять! – прозвучало как гром с небес. Иван от неожиданности едва не нажал на курок. Из-за кустов лещины показалась высокая фигура командира роты лейтенанта Козла Петра Григорьевича. Он махал руками, приказывая остановиться.

– Где старший?

– Здесь я, товарищ лейтенант, – Луценко вышел вперед.

– Тормози своих. – Ротный выглядел уставшим и расстроенным. – Собирай всех вместе.

– А что случилось, кто стрелял? – Командир взвода пристально посмотрел на Петра Григорьевича.

– Кто-кто. Дед Пихто, – нервно выругался тот, – выполняй приказ. Всех собрать здесь!

– Так что случилось? – настойчиво переспросил Луценко. Засунув пистолет в кобуру, он не стал ее застегивать.

Козел заметил это и подошел поближе.

– Местный истребительный отряд принял нас за немецкий десант и вступил в бой, вызвав резервы. Мы, в свою очередь, решили, что нас выбросили в немецкий тыл прямо на гитлеровцев. Вот и давай в ответку палить. Только недавно разобрались, кто есть кто. Солоп с комиссаром сейчас у этих колхозников с берданками, договаривается. Не знаю, как у них, у нас Вострикову грудь в щепки разнесли и Лифара ранило. Бред какой-то. – Ротный нервно взглянул на Луценко. – Вы сами-то откуда идете? Эксцессы были в дороге?

– Ну, едва водокачку и рельсы не взорвали, а так всё нормально. – Луценко застегнул кобуру.

– Ничего не понимаю, мы ж первым эшелонам летели, вроде нормально всё было, если не считать пальбы над Броварами. Вам как, досталось? – спросил ротный и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Туманище этот как назло, ни зги не видно. Тем не менее нормально приземлились, даже тюки с оружием успели подобрать. И вдруг стрельба началась. Заняли оборону, стали отстреливаться и потихоньку отходить в лес. Через полчаса Солоп прибежал с группой, злой как собака. Давай всех матом крыть. С другой стороны тоже ругаются, еще похлеще. Кое-

как договорились огонь прекратить. Комбат портянку белую в руку и с комиссаром туда, узнавать, что да как. Потом вернулся, еще злее, чем был. Колхозники, говорит, не верят, что мы не немцы, дороги все перекрыли, почти окружили нас. Не воевать же с ними. Сейчас опять туда пошел с документами. Так что, Луценко, собирай своих бойцов в кучу, прикажи оружие на предохранитель поставить. Будем ждать, что там Петр Тихонович нарешает.

Бойцы, разгоряченные тяжелым маршем, уселись под деревья, отгоняя слетевшихся на запах пота слепней.

– Куда ни кинь, всюду клин, – ругался Сашка Полешук, – что за невезуха? А я говорил, вот до чего спешка доводит! Лифар в другом самолете летел, только вчера вечером вместе кашу жрали, а теперь его какой-то ополченец подстрелил. На ровном месте.

– Да заткнись ты. – Иван откинулся спиной на ствол сосны. – И так тошно, ты еще тут нервы дергаешь.

Через полчаса раздался голос комбата.

– Батальон, стройся! – проорал он голосом, не сулящим ничего хорошего. Бойцы знали этот тон: так Солоп кричал в период сильного раздражения, когда происходило что-то совсем неприятное, заставляющее выходить из себя, хоть это бывало довольно редко.

Выстроив подчиненных, комбат вышел на середину. Рядом с ним находилось несколько человек из истребительного батальона, в гражданской одежде, с мятыми кепками на головах. Недоверчиво осматривая стоящих перед ними бойцов, они держали в руках старые потертые винтовки, видимо, выпущенные еще при царе Горохе.

Раздосадованный комбат приказал выделить людей для поиска разрозненных групп десантников, в помощь им придавались местные ополченцы и несколько полторок. Также батальону было велено на месте дожидаться прихода машин, которые отвезут всех в Мозырь. При этом оружие необходимо будет погрузить в отдельный транспорт, в котором поедут сопровождающие из местных. Раненого красноармейца Лифара вместе с погибшим младшим сержантом Востриковым к этому времени на отдельном автомобиле увезли в госпиталь.

– Ну вот, разоружили нас колхознички, – шепнул Ивану Сашка, – позорище-то какое.

– Отставить разговорчики! – рявкнул Солоп. – Еще один писк из строя – и кто-то сразу уедет на гауптвахту.

Через несколько часов томительного ожидания, погрузив в прибывшие грузовики, десантников увезли в столицу Полесской области – город Мозырь, разбросанный на крутых холмах рядом с величавой спокойной Припятью. Высадили на территории кафедрального собора, который уже шесть лет являлся тюрьмой НКВД, дополнив свою историю тысячами трагических судеб местных жителей, превратившись в страшное место. Заключение к этому времени были эвакуированы, поэтому десанникам нашлось место. Правда, камеры не стали закрывать, запретили только покидать территорию тюрьмы, на всякий случай выставив вооруженную охрану. Руководство города позаботилось о питании и ночлеге, что было уже само по себе неплохо. Тем временем в отношении батальона началась проверка – мозырское начальство не могло поверить в то, что большая группа вооруженных людей оказалась на их территории по ошибке. Так как числились они на одном фронте, а оказались на территории другого, разборка грозила затянуться.

Настроение у всех было подавленное. Еще бы – летели воевать с врагом и вдруг оказались пленниками своих же. К тому же понесли первые потери.

Время тянулось медленно, словно кто-то невидимый и всемогущий придумал изощренную пытку для тех, кто сейчас оказался в этом неприветливом месте.

Иван пробовал спать, усевшись прямо на брусчатку тюремного двора и прислонившись спиной к нагретой стене собора, но ничего не получалось – мысли сумбурным ходом перебивали всё, оставляя бодрствовать накопленную усталость.

– Черт возьми, даже почитать нечего, – возмущался Гришка, крепко сложенный брюнет, служивший с Иваном в одном взводе. Гришка до армии успел закончить философский факультет одного из институтов Москвы. Его отец был действующим офицером Красной армии, поэтому Гришкино детство прошло в различных военных гарнизонах в разных уголках огромной страны. Это существенно расширило кругозор юноши, а природная тяга к чтению и стремление к знаниям сделали его весьма эрудированным человеком.

– Да я здесь окончательно деградирую, – продолжал сокрушаться Гришка, сидя рядом с Иваном.

– А я тоже, как это, градирую здесь, – вторил ему закадычный друг Федька, такой же крепыш с большими залысынами на голове, несвойственными молодому возрасту.

– Феденька, для того чтобы деградировать, тебе для начала развиваться нужно, – парировал его желание товарищ.

– Ну уж, это, не дурнее некоторых, – обиделся тот, косо глядя на Григория.

Говорят, противоположности притягиваются. Пожалуй, это было самое логичное объяснение крепкой дружбы таких непохожих друг на друга людей. В отличие от Гришки, Федор отличался туповатостью. Выросший в глухой деревне под Минском, он едва окончил четыре класса, с трудом научившись читать по слогам. Еще тяжелее ему далось выучиться на тракториста, в этом Федору помог дядька – председатель местного колхоза, сумевший пропихнуть нерадивого племянника в автотракторное училище, расположенное в райцентре. Сколько поросят отвез он туда, замасливая начальство, даже сосчитать трудно. В противном случае не продержался бы племянник и одного месяца. Через год, после получения заветных корочек, Федор вернулся в родную деревню, где стал работать по специальности на только что полученной от государства машине. Тяги к работе, правда, ему было не занимать, мог сутками не вылезать из-за рычагов своего гусеничного чудовища. Поэтому дядька и расстроился, когда племяннику выпал срок отправляться в армию.

В танкисты Федор не попал, по росту не прошел. Слишком уж тесно было ему на месте механика-водителя.

– Ну как я этого дылду в танк впихну? – негодовал офицер-танкист, прибывший в военкомат набирать призывников в свою команду. – Да у него башка из люка торчать будет! А это по уставу запрещено. Дайте мне подобного, но пониже ростом.

Поэтому Феде светила прямая дорога в транспортную роту. Но и здесь он сумел учудить, не ответив ни на один заданный вопрос и едва не заповоров двигатель единственного военкоматского трактора, на котором обучали группу Осоавиахима.

– Уберите его с глаз моих, – ругался другой «купец», набравший команду в артиллерийские войска. – Мне тягач нужен, чтобы орудия таскать, а не давить их. Этот болван мало того что трактор угробит, так еще хорошо, если никого на тот свет не отправит.

В результате оказался Федор в десанте на должности хлебoreза. К Луценко во взвод он попал полгода назад, умудрившись каким-то образом так сильно провиниться на кухне, что при встрече с бывшим хлебoreзом у начальника столовой начинал дергаться глаз. В парашютном взводе Федя очень быстро сошелся с Гришкой, признав его непреклонный авторитет как человека грамотного и бывалого. А Гришкины рассказы о путешествиях на море или в горы сделали этот самый авторитет совершенно недостижимым. С открытым ртом Федор слушал о соленой воде, гигантских штормовых волнах или снежных вершинах Кавказских гор. Ему, выросшему на равнине среди небольших холмов и болотистых озер с черной торфяной водой, не верилось, что где-то есть совсем другой мир с необычной природой.

– Разве у человека может быть всегда черная кожа? – искренно удивлялся парень, рассматривая в бригадной библиотеке книги с цветными иллюстрациями. – Я во время уборочной так не загорал, как эти, бесштаные, – тыкал он пальцем в изображения негров.

Но тем не менее, в отличие от более тонкого, интеллигентного Гришки, Федя был силен своей мужицкой мудростью, впитанной с молоком матери-земли, прошедшей через тяжелый крестьянский труд. Федору каким-то образом удавалось сохранить то самое по-детски наивное восприятие мира, когда он кажется ярким, цветным, огромным. Как никто другой, Федя умел получать удовольствие от той красоты, которая давно стала незаметной обыденному человеческому взгляду.

Несмотря на то что Федор с Гришкой были закадычными друзьями, это не мешало им бесконечно шутить друг над другом, вызывая у невольных слушателей приступы гомерического смеха. Даже сам Солоп называл их «веселыми гусями», мурлыкая под нос старую детскую песенку про неразлучных птиц, живших у бабуси.

За время пребывания во взводе Федору удалось совершить первый и до сегодняшнего дня единственный прыжок с парашютом. Этим событием он гордился особо, как самым большим достижением своей жизни. Гришка, имевший к этому времени на своем счету добрый десяток прыжков, не упускал возможности поддеть Федю, задавая ему в какой-нибудь неподходящий момент один и тот же вопрос:

– Так сколько у тебя прыжков, Федя?

– Один! – гордо отвечал тот, не понимая, как этот «хвилософ» может постоянно забывать такую важную информацию...

Посмеявшись над очередной Гришкиной шуткой, десантники замолчали, думая о своем. Ну а что им оставалось делать? Только ждать...

Командир батальона был крайне раздосадован. Еще бы, высадка парашютного десанта была проведена из рук вон плохо. Самолеты оказались не готовы к десантированию, часть бойцов так и не смогла найти свои борты, расположенные хаотично по всему взлетному полю. В результате целых 75 человек, почти четверть батальона, не смогли вылететь и остались в Борисполе! Как оказалось, это было еще полбеда среди общей череды свалившихся неудач. После взлета, над Броварами, попали под обстрел своих же зениток, в результате которого осколком был ранен командир пятой роты старший лейтенант Казуб, еще в такое место, что не всякому покажешь. Хорошо, что кости не раздробило, а кровь своими силами смогли остановить. Пришлось его на борту оставить. Вот кого теперь на роту назначить? Взводные совсем молодые, не потянут, а других нет. Придется под свою опеку брать. Да и зенитчики, будь они неладны, сумели в ветрянку на самолете попасть, снайперы чертовы! Как-никак эта штука обеспечивала работу самолетной рации. Хлоп – и всё, куда дальше лететь в этой каше, непонятно. А так как вошли в густую облачность, то воздушные машины, имеющие двигатели разной мощности, просто не смогли выдержать строй. Повезло, что столкновений в воздухе не было. В итоге десант мало того что был выброшен не в указанном месте, так еще и на огромной площади, почти 80 × 100 километров. К тому же транспортники не смогли нормально вернуться обратно, заплутав и разлетевшись по разным аэродромам. Один вообще сел в поле около Киева, и сейчас командование ломает голову, как его поднять обратно в воздух. В результате только на сбор личного состава у комбата ушла почти половина суток. Еще эти стычки с истребительными отрядами, которые на фоне общей паники вполне справедливо приняли спускающихся с неба парашютистов за вражеских диверсантов. И снова непредвиденные потери: один убит, другой ранен. Пришлось рисковать, лезть на рожон, чтобы остановить эту безумную перестрелку. А потом договариваться с командованием ополченцев, соглашаться на неприятные условия по фактическому разоружению батальона и сопровождению его в Мозырь под охраной. Что может быть унижительней? Боевая задача так и не была выполнена, сроки сорваны. В довесок энкавэдэшники устроили проверку: откуда, мол, да почему десант Юго-Западного фронта оказался на Западном направлении? Хорошо, что дали возможность позвонить Гудкову. Тот как узнал, что произошло, орал так, будто голым задом с разбегу на ежа прыгнул. Если из всего того, что

он выдал, убрать матерные слова, то только одни предлоги да местоимения останутся. Даже представить тяжело, что с пилотами будет. Их точно по головке не погладят.

Солоп тяжело вздохнул и приказал адъютанту немедленно собрать всех командиров и политруков. Выстроив, не стал переносить свой негатив на невинных людей.

– Товарищи, пока компетентные органы разбираются в нашей ситуации, требую провести воспитательные беседы с личным составом и организовать занятия по физической подготовке, а также продолжить совершенствование навыков в диверсионно-разведывательной работе. Не надо давать личному составу бездельничать, это только усугубит общий негативный настрой. А ведь скоро в бой. Поставленную задачу никто не отменял. Параллельно буду решать вопрос о переброске батальона при помощи автомобильного транспорта либо в район действий, либо домой в Борисполь. Если вопросов нет, разойдись.

– Правильно, командир, – одобрил действия Петра Тихоновича комиссар батальона старший политрук Гаврилов, – нельзя, чтобы люди закисло. Я по своей линии вечером проведу занятия, постараюсь хоть немного отвлечь бойцов от глупых мыслей.

В самое короткое время в кафедральном дворе стали раздаваться команды, для батальона начиналась обычная повседневная жизнь. Одни на газоне играли в футбол, другие в тени забора штудировали «Наставление по стрелковому делу», третьи изучали постановку мин.

– Снова не получится отоспаться, – ворчал Сашка Полещук. – Скорее бы на войну, там хоть не надо будет так выматываться, лежи себе в засаде да жди фрица. Надоели эти занятия.

– Да ладно! – рассмеялся Тимоха. – Выматываться ты там не будешь! Скоро эти дни с удовольствием вспоминать будешь.

– Не буду, – насупился Сашка.

– Да замолчите вы, – вмешался Иван. – Как говорит Гришка, всё, что ни делается, то не делается. Ходят слухи, что Гудков скоро приедет, вот тогда всем прилетит. По полной.

– Да не дай бог! – шутя перекрестился Тимоха.

Ребята рассмеялись, попадаться на глаза командиру бригады никто не хотел.

Через пару дней Иван Потапович всё-таки появился в батальоне. Вместе с ним приехала часть тех, кто в общей суматохе не сумели найти свой самолет. Они быстро повыпрыгивали из кузовов, сливаясь с товарищами. Шутки, смех летали в воздухе, словно не было никакого боевого десантирования, а так, небольшое развлечение, которое подошло к концу.

Заслушав доклад Сол оп, Гудков пообещал разобраться и потребовать сурового наказания летным экипажам, возложив вину только на них. После этого полковник принялся решать вопрос с освобождением подчиненных из невольного заточения. Уже на следующий день, утром 2 июля, десантникам вернули сданное оружие, получив которое, они стали приводить его в порядок.

– Товарищ полковник, – пожаловался командиру бригады комбат, – не всё вернули. Целых два пулемета, одиннадцать винтовок и один пистолет сперли. Строят наивные глазки и говорят, что ничего не видели, ничего не знают. Дескать, сколько приняли, столько и отдали. Но по глазам вижу, что врут. Повлияйте на них, хотя бы через военкомат или обком. Меня не слушают.

– А не хрен было в плен сдаваться, – выругался Гудков. – Разговаривал я с комендантом. Считаю, что это плата за свободу батальона. Оружие не пропадет, уйдет истребителям. Им скоро свою землю придется защищать, вот и пригодится.

– Понял, – понуро ответил Солоп, – мы ведь тоже не на прогулку идем.

– Не дрейфь, капитан, через пару дней у немцев отберешь, – улыбнулся Гудков и, попрощавшись, уехал. Вечером нужно было очутиться в Борисполе, где началась работа по предстоящей переброске бригады на фронт под Житомир. К тому же ближе к полуночи должны были состояться сеансы связи с диверсионными группами из состава бригады, заброшенными на территорию Западной Украины несколько дней назад.

Петр Тихонович в задумчивости прошелся по территории, везде кипела работа.

– Масла не жалея, тщательней протирай, – отчитывал Полещука старшина роты, – ты свой автомат несколько дней в руках не держал. Смотри, как он скучал, ржавые слезы лил, вон, рыжее пятно на ударнике. Чтобы через пять минут всё было вычищено, лично проверю.

– Сам знаю, как надо, – проворчал Сашка, когда старшина ушел.

– Не гундось, пора бы привыкнуть, – не отвлекаясь, буркнул Иван, тщательно прочищая шомполом ствол винтовки.

Вскоре раздался шум моторов, и вдоль улицы остановилось десять автомашин. Построив батальон, Солоп резким окриком прервал весь шум. Бойцы замолчали, пристально глядя на комбата, который не спеша прогуливался вдоль строя, сопровождаемый комиссаром. Снова напомнив подчиненным о задаче, которую предстояло выполнять, Солоп объявил посадку, и уже через пятнадцать минут колонна двинулась в сторону Озаричей, чтобы оттуда повернуть на северо-запад, поближе к месту запланированного лагеря.

«Ну, кажется, на этот раз точно доберемся», – подумал Иван, трясаясь в жестком кузове. «Надо же, всё как в русской пословице: первый блин комом. Ничего, скоро научимся. Может быть», – поправил он себя.

Глава 3

Ехали долго, дорога петляла среди завораживающих своей первозданной красотой полеских пейзажей, постепенно становясь всё хуже и хуже. В некоторых местах приходилось вылезать из кузова, чтобы полуторка смогла проехать и не разрушить деревянный мостик, перекинутый через очередной небольшой ручей. Только к вечеру батальон добрался до места назначения, пройдя оставшуюся часть пешком. Как и планировалось, основной лагерь разбили в лесу юго-западнее деревни Зубаревская Буда, на окраине заросшего торфяного болота.

По прибытии Солоп построил батальон.

– Запомните, это будет основное место сбора. Командирам организовать обустройство лагеря, время вам до утра. Разойдись, – он махнул рукой, отпуская застывший в молчании строй.

Всё вокруг сразу пришло в движение. Пока окончательно не стемнело, стараясь не создавать много шума, десантники принялись строить шалаши, ставить палатки, оборудовать места для дозорных, которые будут охранять лагерь от непрошенных гостей, наблюдая за обстановкой вокруг.

На следующий день, 3 июля, в 7 часов утра Петр Тихонович собрал командиров рот и спецподразделений для постановки задачи.

– Итак, товарищи офицеры, – начал он, – приступаем к действиям. Задачи прежние: диверсии, разведка, уничтожение живой силы и техники врага любыми способами.

Комбат посмотрел свои записи, поднял голову и нашел глазами командира шестой роты лейтенанта Загоровского.

– Твоя рота с двумя отделениями подрывников будет действовать по всем дорогам в районе: справа Паричи и Березина, слева станция Черные Броды и Брожа. На север вплоть до Бобруйска. Понятно?

– Так точно. – Ротный сделал пометки на своей карте.

– Левее, от Черных Бродов до Глуска, – район ответственности четвертой роты. На север вплоть до Староваршавского шоссе на отрезке Слуцк – Бобруйск. Лейтенант Козел, тебе всё ясно?

– Товарищ капитан, – вытянулся тот, – у меня бойцов не хватит на такой огромный район.

– Лейтенант, у тебя людей больше всех, поэтому и участок не маленький. Выбери основные направления, где могут появиться немцы, и ищи там. С твоей ротой пойдет отделение подрывников. Еще вопросы есть?

– Никак нет – вздохнул Козел.

– Пятая рота будет находиться при штабе батальона. Она сейчас самая малочисленная, всего 25 человек. Их задача: действовать вдоль железной дороги Бобруйск – Старушки в направлении Оземля, Орсичи и дальше на север. Поэтому, Козел, имей это в виду. Не бродите все вместе.

– Значит, так. – Солоп внимательно окинул взглядом подчиненных. – Навстречу, севернее Староваршавского шоссе, будет действовать 214-я воздушно-десантная бригада, наши старые знакомые. Также туда выдвигается мотострелковая дивизия, чтобы окончательно перерезать дорогу и лишить наступающие немецкие части подвоза боеприпасов, бензина и питания. А без всего этого армия уже не армия. К тому же скоро на запад ударит 47-й стрелковый корпус. Если всё получится, готовьтесь ловить пленных и собирать трофеи.

Никто из присутствующих на совещании не догадывался, что никакого наступления не будет. Фактически 47-го стрелкового корпуса, кроме корпусного управления и одного батальона связи с полевым госпиталем, уже не существовало. Его редкие, собранные по крупицам подчиненные войска отступали, не в силах противостоять мощному танковому клину фаши-

стов. А 210-я моторизованная дивизия, та самая, которая должна была оседлать шоссе, наступающая со стороны Дзержинска на Слуцк, к этому времени была уничтожена более чем на две трети. В спешке и неразберихе она откатывалась на восток, да так быстро, что, переправившись накануне вечером через Березину, взорвала за собой мосты, оставив на другом берегу артиллерийский полк и большую часть дивизионных автомашин.

В это же самое время южнее, не встречая сильного сопротивления, немецкие танки подошли к Днепру, захватив Жлобин и Рогачев. 3-я танковая дивизия генерала Моделя переправилась через реку и организовала плацдарм на другом берегу, который вскоре был уничтожен подоспевшими свежими частями Красной армии. Кроме этого, севернее начиналась битва за Могилев. Находящаяся на острие вражеского наступления 172-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Романова Михаила Тимофеевича зарывалась в землю под Буйничами, готовясь встретить врага на подступах. Ее бойцы 3 июля вступили в бой с передовыми отрядами немцев. Начиналась 23-дневная битва за город.

– Постарайтесь установить связь с соседями для координации совместных действий, – продолжал комбат, – и будьте осторожны. Гудков по радиации предупредил, что враг посылает в наши тылы переодетых в красноармейскую форму диверсантов. Несколько дней назад четыре таких деятеля сожгли паром через Березину в Паричах. Поэтому внимательно смотрим документы у всех подозрительных. В случае обнаружения диверсантов действуйте по обстоятельствам. Либо под конвоем в штаб батальона, либо уничтожайте на месте. На рожон не лезть, в затяжные бои не вступать. Основное наше преимущество: внезапность и скорость. Те, кто был со мной на финской, знают, что десант – это не пехота. Мы должны воевать по-другому. Зарубите это себе на носу.

– Товарищ капитан, – подал голос Загоровский, – можно пару вопросов? Штаб здесь будет? Сколько у нас дней на работу? Где и когда собираемся?

– Не спеши, лейтенант, – Солоп улыбнулся, – штаб батальона сегодня перемещается севернее, в лес южнее Козловичей. Здесь останутся склады и вспомогательные службы. Запасной командный пункт будет в шести километрах южнее Орсичей. Сбор всех групп на этом самом месте через неделю, до исхода дня 10 июля. Пополняем запас боеприпасов, взрывчатых веществ, провианта, подводим итоги и снова выдвигаемся на задание. Напоминаю: если ситуация изменится и нам придется отсюда уйти раньше, то встречаемся южнее деревни Микуль-Городок. Это юго-восточнее, посмотрите на картах.

– Товарищ капитан, – поднял руку лейтенант Козел, – у меня компасов мало и свежих карт.

– У всех мало! – резко остановил его комиссар батальона Гаврилов. – Ты, лейтенант, ищи не причину, а способ. Появятся карты или компасы – получишь, а сейчас будь любезен обходиться тем, что есть. Понятно?

– Так точно!

– Вот и славно! Есть еще вопросы, товарищи? – Гаврилов был настроен решительно.

– Товарищ капитан, – обратился к комбату Загоровский, не обращая внимания на грозный взгляд комиссара, – противогазы с собой брать или выложить?

– С собой! Форма одежды должна соблюдаться, несмотря ни на что. У нас армия, а не шайка! – Гаврилов нервно прошелся вдоль строя.

– Да погоди ты, комиссар! – вмешался Солоп. – Зачем им сейчас противогазы? Для закачки газа в лес нужно много времени и техники. Загоровский со своими бойцами, между прочим, первое место по марш-броску в бригаде держат. Эти точно убежать успеют. Лучше в противогазные сумки дополнительно патронов и гранат положить, лишние не будут. Так, – он обвел глазами командиров, – противогазы оставляем здесь. Химинструктору принять всё под счет, сложить в отдельном шалаше.

Оговорив порядок использования связи и обсудив некоторые организационные вопросы, Солоп отпустил подчиненных.

– Батарейки в рациях берегите, – напоследок напутствовал он, – новые непонятно когда получим.

Через пару часов лагерь опустел, в нем остались лишь с десяток человек, отвечающих за сохранность имущества.

Так для Ивана и его товарищей началась тревожная лесная жизнь. Луценко увел свой взвод севернее, стараясь далеко не отходить от проселочных дорог, по которым могли двигаться немецкие отряды.

К вечеру успели завязать знакомства с местными партизанами недавно созданного отряда Павловского и Бумажкова, которые контролировали в этом районе переправы через Птичь и Орессу. Плохо вооруженные, тем не менее они отгоняли разведдозоры фашистов, желающих проникнуть вглубь, в сторону Карпиловки. Все мосты были подготовлены к сожжению, в случае реальной опасности они бы тут же запылали мощным огнем.

На следующий день рано утром, когда летнее солнце только-только готовилось приподняться над горизонтом, чтобы окончательно отогнать черноту ночи, рядом с одной из таких переправ, около деревни Березовка, что недалеко от Глуска, взвод Луценко наткнулся на группу артиллеристов. В недавних боях те сумели сохранить две маленькие «сорокапяточки» и теперь с помощью запряженных лошадей вывозили их на восток. Проверив документы и расспросив бойцов, Луценко выяснил, что орудие и расчет входили в состав 55-й стрелковой дивизии. Отступают из-под Слуцка, где дивизию разрезало клином немецких танков. Одна часть дивизии осталась севернее Староваршавского шоссе, другая – южнее.

– Страшный бой был. Вначале юнкеры утюжили, всю землю вверх дном перевернули вместе с лесом, потом танки пошли. Мы по ним стреляли, они по нам. Пушкам досталось, – рассказывал младший лейтенант Николаев, совсем молодой, видимо, выпускник этого года, ровесник взводного, – на первой весь щиток осколками пробит, на второй подрессорную чуть не вырвало. Ох, сильно дрались. Может, и выстояли бы, но пехота дрогнула, для многих это был первый бой. Да и потери были большие, пехотинцы основной удар на себя приняли. В результате продавили их немцы и дальше пошли, не стали на нас время тратить. Мы на опушке около своих позиций притаились, наблюдаем, а по шоссе танк за танком. Нам бы ударить – вот они, как в тире, борта подставляют, – да только на все орудия пяток снарядов остался, да и те осколочные, для пехоты.

Артиллерист снял фуражку, вытер пот со лба, размазывая пыль по лицу.

– Один-два выстрела, может, и успели бы сделать, а толку никакого, броню не пробить. Но и у нас тогда шансов выжить не осталось бы, а к своим выйдем, бронебойными снарядами разживемся и устроим гитлеровцам сюрприз. Командование приказало разбиваться на мелкие группы и двигаться к переправе в Паричи. Мы дивизионом решили держаться, вместе начали воевать, значит, и дальше так пойдем. Днем опасно, немцев на дорогах полно, если нарвемся, даже развернуться не успеем. Сами в лесу сможем спрятаться, а вот их под мышку не возьмешь и не убежишь. – Николаев ласково погладил запыленный ствол «сорокапятки». – Еще немножко пройдем и будем подыскивать место для стоянки.

– Здесь пока спокойно, никого не встретили, – кивнул Луценко, – но лучше держать ухо востро.

– Может, у вас сахарку или сухарей лишних найдется? – устало улыбнулся младший лейтенант. – Два дня как еда закончилась. Один раз рискнул – послал ребят в деревню, каравай выпросили, пока мы в лесу сидели. Сами поели и лошадок угостили. Им-то, бедным, тяжелее, чем нам. По пути траву для них рвем, но этого мало.

Развязав вещмешки, десантники поделились с артиллеристами провизией, которую их командир тут же убрал в ящик передка, оставив четыре сухаря. Видно было по глазам, что

расчеты пушек были голодны, но тем не менее Николаев отдал эти сухари лошадям, ласково похлопав их по мордам. Те с удовольствием приняли угощение, легонько пофыркивая толстыми губами.

Бойцы разулыбались от такой мирной и доброй картины, от которой веяло домашним уютom, спокойствием, словно не было рядом никакой опасности.

– Сами позже поедем, как на днёвку устроимся, – словно оправдываясь, обратился к своим подчиненным Николаев. Те, соглашаясь, молча кивнули, сглатывая слюну. Черные от пороховой копоти, в разорванных гимнастерках, через которые виднелись кровавые ссадины, невыспавшиеся, с чертовски усталыми глазами, голодные, они, прошедшие кровавую кашу жуткого смертельного начала, как наивные дети, умеющие ценить простые вещи, стояли и, подоброму улыбаясь, смотрели на жующих лошадей.

Показав путь, ведущий к паричской переправе, до которой оставалось почти три десятка километров, десантники сошли в лес, а артиллеристы двинулись дальше.

Иван встал на краю дороги и долго смотрел им вслед, пока мерно покачивающийся ствол заднего орудия полностью не растворился в утренних сумерках.

«Вот они, настоящие воины, – думал он, – хоть сейчас и отступают, но назвать их поверженными нельзя. Столько пережили, но не сломались, сохранили внутренний стержень».

Подойдя к Глуску, десантники обнаружили, что город занят врагом и взять его одним взводом точно не получится. Попробовали устроить засаду на одной из дорог, но из этого тоже ничего не вышло, только зря пролежали полдня в лесу рядом с мостом через ручей. Немцы, словно почувствовав неладное, даже не появились там.

На следующий день, издалека заметив загоравших около глусской МТС гитлеровцев, подобрались поближе и открыли по ним стрельбу, но на выручку противнику тут же пришли подразделения городского гарнизона, которые мощным огнем накрыли десантников. Хорошо, что обошлось без жертв, спасла небольшая канава, надежно укрывшая от прямых попаданий. Тем не менее пришлось в спешке ползком выбираться из-под града пуль, свистящих над головой. А вскоре сзади раздались первые ухающие разрывы мин.

– Успели. – Сашка Полещук вытер пот с лица. – Сейчас бы завалили нас минометами. Он, зараза, навесными бьет, хрен ты в канаве отсидишься.

– Жалко, не получилось ближе подойти, – сокрушался Луценко, ему было обидно, что первое боевое крещение закончилось ничем.

Побродив по окрестностям, к вечеру углубились в чащу, где, выставив дозорных, группа устроилась на ночлег.

Между тем леса не были пустыми, и днем и ночью, одиночками и группами, шли на восток солдаты вперемешку с беженцами, которые тащили на тележках или несли в котомках свой нехитрый скарб. Всё, что удалось захватить из своих домов, оставив большую часть на разграбление не только фашистам, но и соседям, многие из которых были совсем не прочь нажиться на чужом горе.

Встреченная на пути небольшая группка красноармейцев, отступающих из-под Кобрина, поведала десанникам страшную историю о темных делах, творящихся западнее Глуска, в деревне Баратино.

– Значит это, товарищ младший лейтенант, – докладывал пожилой сержант в выцветшей гимнастерке, – после Любани немцы кругом, много их, прямо кишит. Беженцев разворачивают и отправляют домой. Таких, как мы, вылавливают и либо стреляют на месте, либо в лагерь отправляют. Поэтому по родной земле идем как по минному полю. Было нас девять человек. Позавчера под вечер вышли к этому Баратино, понаблюдали, врагов не видно. Деревня такая немаленькая, избы крепкие. У нас в Сибири старoverы в таких живут, я с детства помню, когда с тятей на базар к ним ездили. Ну, отправил я, значит, двоих товарищей раздобыть хоть каких-то харчей, а остальные пока отдыхать легли. Стою, значит это, под деревом, наблюдаю, а то

мало ли, вдруг что просмотрел. Вижу, Семка с Фролом, значит это, в избу зашли, которая аккуратно почти в самой середине деревни стоит. Много времени прошло, а их всё нет и нет, я уж волноваться стал. Хотел было на подмогу идти. Мало ли, думаю, никак не договорятся, у этих староверов хрен с маслом не выпросишь, не то что кусок хлеба. Потом из избы мальчонка выбежал и куда-то рванул. Дай-ка, думаю, малость потихарюсь, не буду соваться. А минут через десять, значит, мужик бородатый на телеге подъехал и внутрь зашел. Дальше стою, смотрю, и вдруг, мать Божья, открывается дверь – и два человека волокут мертвого Фрола. Раздетого, только кальсоны остались. Голова болтается, вокруг шеи кровь, как будто горло перерезали. На телегу бросили, а сами снова шасть в избу. Я ребят поднял, смотрим, а они уже мертвого Семена загрузили, и мужик, тот, который на телеге приехал, убитых сеном прикрыл и повез в лес, недалеко от нас на какую-то дорогу свернул. Мы за ним. Значит это, колесо в телеге поскрипывало, так я с товарищами крадком сзади и шли, не догоняя. Потом он коней остановил около большой ямы, Семку с Фролом туда сбросил и начал доски от крови сеном чистить. Пока возился, мы его, значит, окружили, чтобы в случае чего не убер, и подошли со всех сторон, значит это, в плен взяли. Пока товарищи мои мужика на мушке держали, я к яме подошел. Чую, волосы дыбом встали, отродясь такого ужаса не испытывал. Там внизу убитые люди валяются. Некоторые уже зверьем погрызенные, раздутые от жары. Запах – не приведи Господь, мухи кругом жужжат. Ну, я, значит это, мужику штык к горлу, стал расспрашивать. Он вначале было покочевряжился, а когда ему шею немного придавил, до крови, язык-то и развязал. Рассказал, что старший у них Макар, бывший кулак. Значит это, деревня, как я правильно угадал, староверская. До революции все зажиточные были, а потом советская власть всё у них отобрала – кулаки, мол. Много кого в ссылку отправили, остальных заставили в колхоз вступить. Вот они и рады, что немец напал. Говорит, мол, этот хоть свободу принесет. А пока суд да дело, решили поквитаться со старой властью. На второй день войны к председателю колхоза вломились толпой, его на дереве повесили, семью топорами изрубили. Потом, когда беженцы появились, стали их грабить, некоторых убивали, кого-то отпускали. Макар решал, кому жить, а кому нет. Солдат наших всех убивали, кто заходил едой разжиться. Оружие и одежду забирали, сейчас у них на вооружении несколько винтовок, пулемет и пистолеты, на чердаке сидит часовой и наблюдает за обстановкой вокруг. Трупы убитых возят сюда. Немцев встречали хлебом-солью. Те им пообещали за каждого красноармейца или жида выдавать по пуду муки. Значит это, не выдержал я – и мужика по горлу. В яму бросать не стали, чтобы невинно убитых не позорить, а оттащили поглубже в лес и выбросили, как падаль, пусть волки догрызают. Хотели, значит это, Макара того ухлопать, отомстить за товарищей, к деревне обратно вышли, залегли, чтобы темноты дожждаться. А как назло к ночи немцы понаехали на постой. Пришлось уходить несолоно хлебавши. Черт его знает, долго там эти фрицы задержатся или нет? А мы голодные, который день одной земляничкой да водой питаемся. Решили, что потом заедем, не убегут. Староверы – они оседлые люди, никуда сами не тронутся.

Поговорив еще немного и распросив про стычки с немцами, угостили солдат гороховыми концентратами, чему те были несказанно рады. Показав направление на Паричи, разошлись каждый своим маршрутом.

– Товарищ младший лейтенант, – спросил Иван у взводного, – неужели такое возможно? Свои своих бьют.

– Да черт его знает, Смолин, – задумался тот, – война сильно меняет человека. Наружу лезет то, что в нормальной жизни даже голову приподнять не смеет. Люди становятся другими.

– Может, навестим того Макара и расстреляем? – подал голос Полешук.

– Лучше давайте немцев искать, – строго ответил Луценко, – а то вдруг сержант соврал из-за того, что человек ему самогонки не налил, только погубим невинную душу. Тут суд нужен, а не расстрел по оговору.

– А вы ему не поверили, товарищ младший лейтенант? – Иван посмотрел на взводного.

– Даже не знаю, – ответил тот. – Я бы скорее поверил, если бы мне такое рассказал Николаев. Помнишь того артиллериста?

– Так точно!

– Вот он бы правду сказал, а сержант на меня двойное впечатление произвел. Вроде нет ощущения, что врет, но и поверить сложно в такое. Поэтому ничего сказать не могу. Так, – взводный перевел разговор, – сейчас сориентируемся и пойдем новую засаду устраивать. Время поджигает, а у нас ни одной удачной операции. стыдно, товарищи! А про деревню эту во время сеанса связи доложу. В той стороне, на Любань, третий взвод действует, они и проверят.

Побродив бесцельно еще несколько дней, утром 9 июля расстроенный Луценко со своим взводом вернулся под Зубаревскую Буду.

Переходя железную дорогу Бобруйск – Старушки, услышали еле доносящийся шум тяжелого поезда.

– Товарищ младший лейтенант, – обратился Иван к Луценко, – может, дождемся и взорвем? Фугас установим.

– Ага, один раз уже взорвали, – отмахнулся тот.

В лагере к этому времени уже находился командир роты, который устроил прибывшим большой разнос.

– Это тебе еще повезло, Луценко, что Гудков Солопа в Овруч вызвал. Ничего, вернется, еще больше достанется. Как так-то? Немцы кругом шастают, а ты за неделю ни одного укокошить не смог. Чем ты там занимался? В лесу отдыхал, в речке купался? Почему до шоссе не дошел? Фашистов испугался? Государство тебя учило, деньги, время тратило! А ты долг свой выполнить не хочешь! Может, ты обычный трус, Луценко? И тебе место в хозвзводе, а не в боевом подразделении? Ты не выполнил боевую задачу! Понимаешь, что ты преступник?!

– Никак нет, – Луценко, потупив глаза, не зная, куда провалиться от стыда, тихо отвечал на ругань ротного, к которому присоединился комиссар батальона. Вместе, крича по очереди и одновременно, они едва не довели Луценко до слез. Находившийся недалеко Иван видел, как то краснело, то бледнело лицо командира, которого отчитывали, словно нашкодившего мальчишку.

Днем стали прибывать другие подразделения, в большинстве воодушевленные, успевшие получить первое боевое крещение. Они с восторгом рассказывали о проведенных боях, хвастались добытыми трофеями. А бойцы Луценко сидели поодаль с кислыми лицами и слушали рассказы более везучих товарищей.

– Ваня, – подошел помощник политрука роты Женя Чумаков – душа компании, невысокий, всегда улыбающийся, с задорными ямочками на щеках, – надо бы листок написать о подвигах взвода. У вас было что?

Иван отрицательно покачал головой.

– Нет. А у вас?

– Тоже тишина, – вздохнул Женя, – но писать всё равно придется, комсорг сказал.

– Хорошо.

В разговорах со знакомым связистом, который поддерживал связь с десантными группами, удалось выяснить, что только пятой и шестой ротам удалось поучаствовать в боях.

В пятой роте, например, командир отделения сержант Гладченко вместе со своим подчиненным Савоном, будучи в разведке, заметили около дороги Оземля – Зубаревщина небольшой отряд немцев, которые рыли окопы, готовясь взять под контроль перекресток, чтобы обезопасить себя от действий партизан, контролирующих находящуюся рядом переправу через Птичь.

– Мы же шли там в первый день, – хлопнул себя по коленям Гришка, – никого не было. Ладно, я слепой, но ты, Федька, – он повернулся к другу, – разве не заметил бы немцев?

– Ну, это да, белку в глаз бью, – довольный похвалой, отозвался Федор, – не было там никого, ни солдат, ни окопов.

– Я тоже белку в глаз бью, – улыбнулся Гришка, – если, конечно, поймаю.

– Тьфу ты, дурында, я ему про охоту, а он мне про Федота, – рассмеялся Федя.

– Да тихо вы, потом гоготать будете, – Иван зыркнул на веселящихся друзей, – дайте дослушать.

– А ты нам не указывай, – в один голос ответили те, но замолчали.

– Так вот, – связист причмокнул, – Гладченко с Савоном это дело рассмотрели и пошли лесом обратно, чтобы ротному доложить. Чуть в сторону взяли и случайно набрали на артиллеристов, которые из окружения выходили и в лесу на днёвку остановились. А у тех две «сороскапятки» были.

– Те самые, – замахал рукой Федор, – которых мы перед мостом встретили. Знакомцы наши.

– Федор, не выдавай военную тайну. – Гришка с серьезным лицом дернул друга за рукав и, увидев, как у того резко изменилось выражение лица, рассмеялся.

– Дурында! – повторил Федя и обиженно замолчал.

– Командиром там какой-то младший лейтенант был, – не обращая внимания на друзей, продолжал связист. – Ребята с ним побеседовали, обстановку рассказали и пообещали дальше провести. В обмен на это артиллеристы согласились немцев пощупать. Подготовились, подобрались поближе, развернули орудия, и пяток снарядов прямо по окопам выпустили. Гладченко потом говорил, что несколько немцев уложили, остальные разбежались. Те артиллеристы потом недалеко от нас заночевали, а утром дальше пошли, на Паричи.

– Дай им бог здоровья, – подвел итог Федор.

– Федька, а ты в бога веришь? Его ж не существует! – рассмеялся Гришка.

Друзья принялись горячо спорить, доказывая каждый свою позицию.

– Пусть лаются. – Иван с Чумаковым Женей отошли в сторону. – Про остальных что известно? Какие новости из штаба?

– Ротный злой, у нас ни одного серьезного столкновения, остальные, как и вы, издалека пару раз постреляли – и всё. А попали или нет, неизвестно. В засады никто не угодил, все целые, до завтра остальные должны сюда подойти. Кроме третьего взвода, он пока останется около Любани, там какая-то активность наметилась, много немецкой кавалерии появилось. И пехота на броневиках. Солоп приказал в бой не вступать, вести разведку. Пообещал договориться с Гудковым насчет самолета и сбросить прямо туда патроны, сухой паек и батарейки для рации.

– А у Загоровского как?

– Ну, – протяжно ответил Женя, – эти у нас совсем герои. Пятого числа в Паричи со стороны Верхлесья пришел разведотряд немцев, переправу закрыли, стали лезть вдоль реки к Шатилкам и на юг, на Чернин и Кобыльщину. Шестая рота в это время восточнее была. Встретились там с местными партизанами и бойцами из 487-го стрелкового полка 143-й дивизии, которая под Речицей квартировалась, а перед самой войной стала под Барановичи переходить. Полк не успел, здесь и остался. Командование приказало им оборонять Паричи с окрестностями. Ну, понятно, партизаны все местные, Троян, начальник районного НКВД, у них главный. А так в основном милиционеры, чекисты и партактив, каждую тропинку в лесу, каждое деревцо как свои пять пальцев знают. Наши, можно сказать, с места в карьер, погоняли немного фашистскую гадину. Возле Дубровы, это в сторону Шатилок, три броневика захватили. Правда, никто не умел на них ездить, пришлось оставить партизанам. Те нашли шоферов и перегнали в штаб армии. Ну и конечно, другие трофеи были. Даже пленных взяли. Кстати, – Женя заулыбался, от чего ямочки на щеках сделались более заметными, – похоже, и там ваши знакомые артиллеристы поучаствовали. Снарядами стрелковый полк поделился, полные передки загрузили.

зили. Так что было чем поддержать наших ребят. Две бронемашины сумели сжечь, правда, одного своего бойца потеряли.

– Вот молодцы, – причмокнул Иван, – нам бы так. А еще какие новости?

– Не обошлось и без неприятностей. – Евгений кивнул в сторону шалашей шестой роты. – Седьмого числа у Загоровского третий взвод сам в засаду угодил. Немцы два броневика спрятали около опушки, дождались наших и давай из пулеметов расстреливать. Жемчужникова с Левчуком ранили, они впереди шли. Остальные залегли, стали фрицев обходить, те и уехали, не стали бой принимать. Раненых в Калинковичи отправили, в госпиталь.

– Неблизкая дорога, – вздохнул собеседник, переживая за сослуживцев, – лишь бы доехали.

– Ах да! – Евгений легонько хлопнул себя по лбу. – Совсем забыл, а новость-то главная. На станцию Раборк Красная армия пришла.

– Как пришла? – ошарашенно спросил Иван.

– Да так! – рассмеялся товарищ. – Прислали туда большой отряд под командованием подполковника Курмышева. Комиссар ездил, говорит, что хороший мужик, строгий и волевой. Мало того, выделили ему два бронепоезда. Силища невероятная.

– Вот кого, значит, мы слышали под Оземлей! – восхищенно кивнул головой Иван. – А мы уже было подумывали фугас заложить.

– Тогда Солоп бы вас точно растерзал, – заметил Чумаков, – и так злится последнее время.

Ближе к ночи комбат вернулся из Овруча, куда его вызывал командир бригады. Недалеко уже начинались бои, ветер доносил громовые раскаты артиллерийских орудий. В самом городе шла срочная эвакуация всех учреждений, складов, что создавало огромную неразбериху и способствовало панике. Толпы беженцев осаждали последние поезда, уходившие на восток. В воздухе почти постоянно висели немецкие самолеты, которые то сбрасывали бомбы, то, заходя в воющее пике, стреляли из пулеметов по всему живому, находящемуся на несчастной земле, изрытой воронками, пропитанной кровью и детскими слезами. В этом хаосе комбату с трудом удалось отыскать здание, где располагался штаб бригады. Гудков выглядел уставшим, с черными кругами под глазами, последние несколько дней спать удавалось лишь небольшими урывками.

В результате боев на Западной Украине в районе Дубно – Луцк – Броды 1-я танковая группа Клейста, наступающая на Киев, сумела разгромить механизированные корпуса Красной армии, которые более чем в четыре раза превосходили немцев по количеству танков. Было потеряно более 85 % всей бронетехники Юго-Западного фронта. Ценой огромных потерь удалось отсрочить окружение нескольких армий, однако вести наступательные действия на этом направлении фронт уже не мог, начав откатываться назад, к старой границе. Быстрое наступление танкистов Клейста не дало возможности советским войскам полноценно занять укрепления, линия обороны трещала, рвалась, зияла дырами на командирских картах. Для того чтобы хоть как-то заткнуть бреши и остановить гитлеровцев, командование бросало в огонь всё, что попадалось под руку, не обращая внимания на разумные доводы.

В штабе Солоп узнал, что остававшуюся в Борисполе бригаду 6 июля спешно перебросили под Житомир, оборону заняли в районе села Высокая Печь, на берегу реки Тетерев. Здесь десантников ввели в бой как обычную пехоту.

– Идиоты, что они творят? – ругался комбат. – Опять на те же грабли наступаем! Нельзя парашютистов, которых готовят для диверсионно-разведывательных операций, использовать как пехотинцев. Вся наша работа насмарку! Потери будут огромные, проходили же!

– Капитан, – огрызался Гудков, – ты ничего не попутал? Станешь комфронта, тогда и будешь решать, кого куда. А сейчас это не твоего ума дело! Приказ должен быть выполнен! Я сейчас решаю вопрос о возвращении твоего батальона обратно. Нечего вам отщепенцами

бегать. Даже связаться нормально нельзя, любой вопрос превращается в большую проблему. В штабе обещали скоро рассмотреть мою просьбу. А пока бери, что дают, – взрывчатку, батареи для раций – и езжай назад. Без тебя тошно, с утра бригада ведет бой, немцы прут без остановки. Держимся, но потери растут. Авиация бомбит нещадно, танками давят, в артдивизионе по большей части уже все орудия выбиты. Если не будет помощи, долго не протянем. И ты еще мне выговариваешь.

Вечером, трясясь в кабине полуторки по ухабистой дороге, комбат размышлял о том, почему командование упорно не хочет замечать очевидных вещей, ведь ясно же, что бригада принесет больше пользы, если ее не использовать как пушечное мясо. Проезжая одну маленькую белорусскую деревеньку за другой, он еще не знал, что буквально пару часов назад по шоссе, ведущему из Новоград-Волынского, в Житомир вошла немецкая армия, клиньями своих корпусов зажав между собой десантную бригаду. Продолжая нести потери, десантники, попавшие в окружение, откатывались на восток, стараясь поскорее соединиться с основными частями Юго-Западного фронта.

Глава 4

– Луценко, – поздно вечером командир роты позвал взводного. Он уже успокоился и не выглядел таким злым, как несколько часов назад. – У нас еще целый день впереди, чтобы окончательно не опозориться перед батальоном. Разбей взвод на две половины и с утра обойди места правее лагеря. Одну группу направь к Паричам, а другая пусть прочешет дороги на север до Ковчиц. Ну, в конце-то концов, должны же мы хоть одного немца подстрелить! Но, как бы там ни было, вечером ты обязан быть здесь. Ясно?

– Сделаем, товарищ лейтенант! – ответил Луценко устало. Неделя бесконечного хождения по лесам, ночевки под деревьями, питание одними сухарями и консервами, мучительно тянувшееся время в засадах утомили бойцов. Им бы отдохнуть пару деньков, выспаться, щей горячих поесть, помыться. Но что ж поделать, война есть война. Да и морально тяжело осознавать, что другие уже сумели получить боевое крещение, похвастаться трофеями, а у тебя тишина.

– Ладно, сейчас отдыхать, а завтра за дело, я на тебя надеюсь. – Ротный повернулся и пошел в штабную палатку.

Рано утром 10 июля небольшая группа под командованием Луценко двинулась в путь по определенному накануне маршруту. Задача была прежняя: находить и по возможности уничтожать рыскающие в округе немецкие разведгруппы, которые на автомашинах и броневиках сновали то тут, то там. Вклинившись глубоко в советскую территорию, стараясь обезопасить себя от внезапного удара во фланг, немцы активно исследовали прилегающую местность в стороне от главного удара. Вермахт интересовало не только наличие здесь советских войск, но и их возможность вести наступательные действия. Кроме этого, разведгруппам было приказано объявлять в населенных пунктах о смене власти и назначать в каждой деревне лояльного старосту, который будет нести ответственность за порядок, информировать новые власти о коммунистах, евреях, а также выходящих из окружения солдатах и офицерах Красной армии. В этом новым назначенцам должны помогать отряды полиции, наспех создаваемые из местных жителей и прочих желающих заполучить новую работу.

Пройдя восточнее от Зубаревской Буды на Углы, группа десантников двинулась по грунтовке дальше, к деревне Романищи, которая стояла на перекрестке дорог и с военной точки зрения представляла собой лакомый кусочек, позволяющий контролировать несколько направлений и единственный крупный в этой заболоченной местности путь к переправам на Березине. Поговорив с местными жителями и выяснив, что немцы здесь еще не объявлялись, десантники двинулись дальше, в сторону Слободки, до которой было всего-то четыре километра. Подойдя к деревне со стороны леса, Луценко приказал устроить небольшой привал и организовать наблюдение, чтобы выяснить, нет ли здесь противника, которого они так упорно ищут.

Пока десантники, сняв сапоги, проветривали сбитые мокрые портянки и, откинувшись на спину, отдыхали, Тимофей в бинокль смотрел, как в Слободке протекает обыденная мирная жизнь. Кто-то во дворе стучал топором, небольшая группа женщин разговаривала у колодца, набирая в ведра студеною прозрачную воду, рядом, около пруда, пасли гусей мальчишки, играя в догонялки и успевая хворостиной отогнать обратно к воде разбредавших птиц.

– Товарищ младший лейтенант, – не увидев ничего подозрительного, Тимоха подошел к Луценко, который нежился на солнышке, поднимавшемся выше и выше – немцев в деревне нет, всё спокойно.

– Ну, раз так, – Луценко приподнялся, – то выдвигаемся дальше, впереди два «веселых гуся», остальные в ста метрах.

Быстро обувшись, Федор и Гришка вышли дозорными. Сзади, отпустив их, медленно брели десантники. Начинаясь дневная жара давала о себе знать: хотелось пить, почуяв

запах пота, вокруг закружили оводы, желая побольнее укусить зазевавшегося человека. Подойдя к колодцу, бойцы поговорили с удивленными бабами, которые с нескрываемым любопытством и одновременно опасением смотрели на людей в советской военной форме. Последний раз такую видели здесь в двадцатых годах, если не считать своих земляков, отслуживших срочную службу. Вездесущие мальчишки тут же обступили десантников, не подходя очень близко, с нескрываемым любопытством издали рассматривая оружие и амуницию.

У местных жителей выяснили, что немцы уже успели отметить в деревне. Появились они два дня назад, приехав на мотоциклах со стороны Кнышевичей. Остановились здесь же у колодца, чтобы умыться от пыли и пота, заодно набрать воды. Раздевшись до пояса, стали обливаться из ведра, хохоча и перекрикиваясь на своем языке. Затем старший в кожаном запыленном плаще что-то скомандовал, и солдаты стали собираться, но один из них не смог найти часы и начал кричать – видимо, решил, что их украли. Тогда фашисты при помощи оружия согнали в кучу находившихся поблизости детей, и офицер на ломаном русском сказал, что если пропавшая вещь не будет возвращена владельцу, то несколько ребятишек сейчас же будут расстреляны. После этого солдаты выхватили троих несмышленишек, поставили около колодца, направив на них винтовки. Дети сильно испугались, начали плакать. Когда сюда стали стекаться жители, увидев, что сейчас произойдет что-то страшное, офицер приказал пулеметчику дать очередь поверх голов, чтобы безоружные люди не решились что-то предпринять. Началась паника, все стали разбегаться, остались только матери, которые плакали и умоляли фашистов пощадить детей. Немец не соглашался, приказав солдатам приготовиться к расстрелу. Но случилось чудо – тот, кто объявил о пропаже часов, нашел их в густой траве, прямо там, где бросил свою одежду, когда раздевался. Офицер недовольно буркнул и остановил казнь. Гитлеровцы сели на мотоциклы и, поднимая клубы пыли, уехали обратно, в сторону Кнышевичей. Один мальчуган, которого едва не расстреляли, до сих пор боится выходить из дома. По словам матери, стал заикаться от испуга.

Десантники молча слушали этот страшный рассказ. Иван заметил, как посуровел Луценко, как сжались кулаки у Тимохи и Сашки.

– Ничего, бабоньки, – взводный внимательно посмотрел на собравшихся у колодца, – отыщем мы ваших обидчиков. Мало им точно не покажется. И за детей отомстим, и за слезы ваши.

– Дай-то бог, – зашумели селяне, – гоните обратно эту нечисть.

Наполнив фляги, бойцы приготовились идти дальше. Луценко посмотрел карту, на которой карандашом был отмечен маршрут движения. Конечно, заманчиво было уйти к Кнышевичам и продолжить поиски фашистов, нагадивших здесь, но в той стороне прочесывали местность другие группы батальона, поэтому он повел своих бойцов в сторону деревни Качай-Болото, что располагалась в трех километрах от Слободки на краю больших топких торфяных болот. Здесь проходили дороги на Протасы с Нивищами и на Ковчицы, по которым, судя по карте, вполне могла проехать машина или броневик, а значит, была вероятность появления немецкой разведки.

Солнце к этому времени поднялось еще выше и нещадно пекло головы идущих по песчаной дороге солдат. Гимнастерки пропитались потом и липли к спине, ноги в сапогах горели огнем, оружие давило на плечо, натирая его в кровь. Дополняли эту картину стаи слепней, которые не отставали и своим жужжанием только накаляли нервы. Подойдя к деревне, десантники понаблюдали за ситуацией в ней, убедившись, что всё спокойно, пересекли по мостику небольшой заболоченный ручей и зашагали по широкой центральной улице.

В Качай-Болоте было тихо и спокойно, в огородах копошились люди, кто-то пас скотину в поле, кто-то нес траву свиньям. Пройдя вглубь деревни, группа остановилась около крепкой деревянной избы, небольшие окошки которой смотрели вымытыми стеклами на пыльную улицу. Из дома исходил сладкий душистый запах свежеспеченного хлеба, такой аппетитный,

что начинал кружить голову Левее, в небольшом саду, около ветвистой груши-дички стоял деревянный стол, за которым работал крепкий высокий бородатый мужчина, рубанком стругая кусок дерева. В его ровных движениях было столько увлеченности и спокойной уверенности, что казалось, в эти минуты он не видел и не замечал ничего вокруг, всецело поглощенный волшебством превращения неказистого куска в изящную деталь будущего изделия. Хотелось просто стоять и наблюдать за его работой, получая удовольствие от созерцания процесса, словно смотришь на огонь или бегущую воду.

– Добрый день! – поздоровался Луценко, подойдя поближе и остановившись в тени, падающей от березки, растущей возле забора.

От неожиданности мужчина вздрогнул, поднял голову и удивленно посмотрел на солдат.

Затем, бросив короткий взгляд в сторону дома, словно хотел убедиться, нет ли во дворе домашних, которым могла угрожать опасность от вооруженных людей, подошел к калитке.

– И вам здравствовать!

– Отец, – спросил Луценко, вытирая пот и отгоняя назойливое насекомое, лезущее прямо на шею, – немцы есть в деревне?

– Нет. – Мужчина обвел глазами солдат, всматриваясь в уставшие лица. – Говорят, давеча в Слободке объявлялись. Может, вам туда надо?

– Из нее, родимой, и идем. – Иван подошел поближе к забору и поправил винтовку, которая своим ремнем больно давила через мокрую гимнастерку на появившуюся мозоль. Щипало так, будто кто-то сыпанул горсть соли на открытую рану.

– А вы кто такие? – спросил мужчина, продолжая настороженно рассматривать непрошенных гостей.

– Да не бойся ты, мы свои, советские, – улыбнулся Луценко.

– Давненько здесь вояк не было.

– Теперь, видимо, чаще будут, – парировал взводный, – пока немца не прогоним.

– А чего ж вы его сюда пустили? Граница вон как далеко, – сурово сказал мужчина.

– Отец, можно воды испить? – Отвечать на неприятный вопрос Луценко не хотел, так как, по правде, не знал, что сказать.

Мужчина повернулся в сторону дома.

– Параска! – крикнул он, и через несколько секунд из сеней появилась невысокая молодая женщина, со светлым платком на голове, изящно гармонирующим с ее милым кругловатым лицом.

– Вынеси ведро воды и кружку в сад, – распорядился хозяин, и вскоре десантники по очереди пили холодную чистую воду, утоляя жажду под сенью яблонь и груш, чьи тени навевали приятную прохладу, смешанную с ароматом зреющих фруктов.

Напряженность была снята, дальше говорили спокойно, шутили, улыбались, обменивались новостями. Мужчину, как оказалось, звали Федор Николаевич. Было ему немного за сорок. Трудился в недавно созданном колхозе, но последние дни председатель дал распоряжение на работу не выходить, пока не прояснится обстановка.

Узнав, что в Протасах немцев тоже еще не видели, Луценко посмотрел на карту.

– Федор Николаевич, как пройти на Ковчицы? Есть хорошая дорога?

– Ковчицы? – мужчина на секунду задумался. – Там две деревни: Первые и Вторые Ковчицы, хотя дорога одна, я покажу. В целом она неплохая, но есть пара заболоченных мест, можно хорошенько застрянуть, если на телеге ехать. Сейчас-то она получше, не то что раньше. Старики рассказывали, что, когда с Наполеоном война была, здесь отряд польских гусар появился, в сторону Мозыря шли и остановились в Качай-Болоте на ночлег. А вечером к ним гонец прискакал с приказом срочно идти к Бобруйску, там русские войска из крепости вылазку делали. Вот гусары рано утром и ушли на Ковчицы, у командира карета была, красивая такая, резная, с позолотой. В ней он сам ехал и припасы везли. Так лошади с каретой этой

перед Казенным лесом в первой болотине и застряли. Поляки ее кое-как вытащили и решили дальше с собой не брать, так как спешили. В лесу под Замощем закопали, вместе с припасами, чтобы налегке идти. Говорили, что гусаров этих около Бобруйска перебили. Так или не так, не знаю, но обратно за каретой никто не вернулся. Местные мужики сколько лет ее ищут, да так и не смогли откопать до сих пор. Она, поди, уже совсем сгнила.

– Федор Николаевич, а ты сам-то искал? – весело подмигнул Луценко.

Мужчина улыбнулся в ответ, пригладив широкую темную бороду.

– Нет, не балуюсь таким. Да и не местный я, хоть уже почти двадцать лет здесь живу.

– О как! Как же тебя сюда-то занесло?

– Да жизнь – она такая, куда только не зашвырнет. – Мужчина налил себе воды и выпил залпом, немного помолчал. – Родился я в Чикилях, это между Глуском и Бобруйском. Отец с матерью до сих пор там живут. Как война началась, меня в армию призвали и отправили в Петроград.

– Это какая война? Империалистическая? – вмешался Гришка, сидевший рядом на траве.

– Ну, кому как, – взглянул на него Федор Николаевич, – для кого-то может и империалистическая, хотя раньше и слов-то таких не знали, а для других – Великая. Под самый конец служил я в Петрограде на военном складе, – продолжил он воспоминания, – как зимой революция началась, вот бардаку-то было, из караулов не вылезали, защищали, значит, добро казенное. Почти каждую ночь воры да бандиты лезли. Одного из наших часовых ножом зарезали и винтовку унесли, после этого по двое на одном посту находились. А осенью большевики свою революцию устроили. Склад передали другим солдатам, а нас, стало быть, от службы отстранили. Армия к этому времени совсем рушиться стала. Про присягу уже никто и не вспоминал. Это раньше царю клялись служить в верности, а как до дела дошло, то те, кто клялся, первыми его и предали. Разбрелось наше войско кто куда. Ну, я винтовку сдал и с братом двоюродным Савелием, который недалеко служил в гарнизоне, домой пошли. Что нам еще оставалось делать? Где на поезде, а чаще пешком. Около Пскова немцы стояли, мы лесом через так называемую линию фронта просочились. С нашей стороны вообще никого не было, при желании немцы спокойно бы до Петрограда дошли. Это уже потом стали Красную армию формировать, а до этого времени все разбежались из окопов, никто зазря помирать не хотел. Несколько месяцев мы с Саввой домой добирались – сапоги в хлам, сами худые, заросшие, как черти, столько всего насмотрелись за дорогу, вспомнить страшно. Кругом нищета, бандиты у мужиков последний хлеб забирают, немцы власть свою пытаются держать, зверствуют, тоже есть хотят. Кто где – не поймешь, то одни себя кулаком в грудь лупят, что они главные, то другие, то третьи. Утром большевики советскую власть устанавливают, днем их германцы прогоняют и кричат, что мы теперь собственность кайзера, а ночью со стороны Бобруйска бандиты прибегают. Там своих жидов ограбят и потом пьют неделями на хуторах, бесчинствуют. И такая круговерть постоянно. А жить-то надо, пахать, сеять, иначе пропадешь от голода. Да и захиреет она, земля-кормилица, бурьяном зарастет, попробуй потом вспахать – сто потов сойдет, пока дерн скovyрнешь. Земле простаивать никак нельзя, хоть война, хоть революция.

– И даже сейчас, когда немец на пороге? – вмешался в разговор Сашка Полещук. – Так ведь если придет, весь урожай ему достанется.

– А вы здесь зачем? – бросил на него короткий взгляд хозяин дома. – Разве не ваша обязанность мирных людей защитить?

– Ну, – стушевался Сашка, – так-то оно так...

– На чем я остановился? – Федор Николаевич на секунду задумался. – Как домой добрался, сказал?

– Ага, – кивнул Луценко.

– Так вот, как немцы из этих мест ушли, появились поляки. Эти еще более злые были. Всё им мало. Устроился я тогда в Ковчицы к одному пану. Кучером у него был. Работы много,

без отдыха и продыху. Но, правда, платил неплохо, да и крыша над головой и миска супа всегда были. Женился я на Марусе, она местная была, ковчицкая. Родила мне троих сыновей: Мишку, Гришку и Ваньку. А потом приболела сильно и за несколько дней зачахла, не смогли выходить. Остался я с маленькими детьми на руках. Уволился от пана, не мог больше там оставаться, всё мне о жене напоминало, сердце горело от тоски. Переехал сюда, на заработанные деньги купил дом и большой надел земли. Стал обустроиваться, через год взял жену из соседней Слободки. – Федор кивнул в ту сторону, откуда недавно пришли десантники, где за большим полем виднелись кроны деревьев небольшого кладбища и за ними просматривались крыши деревенских домов.

– Она молодец, Прасковья Трофимовна моя, не побоялась чужих детей принять. Нянится с ними, как мать родная. Пропал бы без нее. – Федор Николаевич улыбнулся. – Со временем обустроился здесь, хозяйство завел, сарай с банькой поставил. Потом сестер и братьев своих позвал, помог им хаты купить, свое хозяйство наладить. Родителей тоже хотел забрать, да они ни в какую: «хотим на родине жить и в своей земле лежать». Никак не смог уговорить. Теперь вот видимся редко, с Параской только на большие праздники к ним ходим, а так почти все мои братья и сестры здесь живут. Почитай, половина деревни родственников.

Беззвучно открылась дверь избы, и из сеней во двор выскочили двое мальчуганов, обутых в новые лапти. Они опасливо приблизились к солдатам, с интересом рассматривая форму и оружие, тихонько перешептываясь о чем-то между собой. Вслед за ними во двор вышла жена Федора, держа за руку третьего мальчика, самого младшего из братьев, робко жавшегося к приемной матери. Но в сад не пошла, остановилась около сарая.

– Мишка и Гришка, – довольно кивнул в сторону мальчуганов Федор Николаевич, – а там маленький наш, Ванька.

В этот момент Иван заметил, как ярким лучиком счастья озарилось лицо хозяина дома, с нежностью бросившего взгляд на свою семью. Обратили на это внимание и другие десантники, разувались. Гришка протянул детям автомат, приглашая подержать его в руках, Иван снял пилотку и водрузил на голову Мишке, чему тот был несказанно рад, это легко читалось на светящемся лице ребенка.

– Федор Николаевич, – Луценко снова вытащил и тут же спрятал обратно карту, – так, может, проведешь нас до Ковчиц?

Мужчина улыбнулся.

– Не бойся, лейтенант, не заблудишься, дорог в нашей местности мало. Смотри, – он встал и подошел к забору, – сейчас идете по улице дальше. Видишь, по бокам липы растут, еще при бывшем пане аллею сажали. Здесь в деревне раньше винокурня была и имение панское, а вокруг до сих пор хуторов много. Так вот, дойдете до школы, она слева будет, уж явно не ошибетесь, дальше дорога прямо на Нивищи и Протасы тянется, а вам надо поворачивать направо. Через километр попадете в Замошье. Не доходя болота, дорога повернет налево. Так и ступайте. Пройдете еще километра полтора и через болотину войдете в очень густой темный лес. У нас его с давних времен называют Казенным, бывшее государево имущество. Место мрачное, одни грабы да осины растут, идешь, как в ночи. Никуда не сворачивайте, через несколько километров упретесь в перекресток. Налево будут Круки, направо Ковчицы. Вначале Вторые, а чуть подальше Первые. Понятно?

– Доходчиво объяснил, лучше всякой карты, – улыбнулся Луценко, затем повернулся к подчиненным: – Ну что, отдохнули?

– Так точно, товарищ младший лейтенант, – за всех ответил Гришка.

– Ну, раз так, то пора и в путь трогаться. Немец сам себя не найдет. «Гуси» впереди, остальные сзади.

Десантники засуетились, собираясь, кто-то отряхивался, кто-то обувал снятые сапоги, кто-то поправлял оружие.

– Федор Николаевич, – почти шепотом спросил Луценко, подойдя вплотную к хозяину дома, – скажи, почему не уходишь в тыл или в партизаны? Ведь понимаешь же, что война вот-вот сюда придет. И будет она страшная, кровавая и, скорее всего, очень долгая.

– Знаешь, лейтенант, – Федор ненадолго задумался, – это мой дом, моя земля. Каждый клочок обработан моими руками, каждое бревнышко мною выложено, всё здесь сделано с любовью, как я могу всё бросить? Здесь же не только мои дети, здесь сестры Анька с Танькой, братья мои, кто за ними смотреть будет? Я ж старший в семье, значит, за всех в ответе. Да и родителей разве можно оставить? Хоть и далеко они, но мне до них отсюда ближе, чем из Москвы или с Урала. Я всю жизнь работаю, то на одних, то на других, то на третьих. Когда колхоз создали, заставили меня туда половину надела отдать, хотя я эту земельку за свои заработанные потом и кровью деньги покупал. Ничего, не обиделся, хотя, если бы уперся, мигом объявили бы кулаком и сослали подальше на север. Сам ведь знаешь, как это легко делается. Видишь ли, при любой власти народ хочет есть. А где эту еду взять, как не из земли? Каждый должен заниматься своим делом. Солдат – воевать, крестьянин – сеять и собирать урожай, рабочий – делать миски и точить детали, путеец – прокладывать железные дороги и водить поезда. Моя судьба – жить и работать на этой земле. Ну а партизаны были у нас еще в двадцатых годах, когда с поляками боролись. Мужики, думаю, возьмутся за старое, опыт есть. Да только повторяю: есть они что будут? И где всё это брать? У немцев тоже запасов не так и много с собой. И те и другие будут отнимать у нас. Так и будем жить, пока всё не закончится. Даст бог, выживем. Ну а ежели не выживем, что ж, на всё воля божья. Поэтому здесь и остаюсь.

– Я понял тебя, Федор Николаевич. – Луценко глубоко втянул носом свежий хлебный запах, который всё еще витал в воздухе. – Ох как вкусно пахнет. Продашь нам пару буханок? Давно домашнего хлеба не ел.

– Параска, – Федор кивнул жене, которая продолжала стоять возле сарая, – принеси пару караваев, угости солдатиков, а то со своей казенщиной уже забыли настоящий вкус.

Затем повернулся ко взводному:

– Не надо денег, лейтенант, так угощу. Никто не знает, что дальше будет, береги себя и своих хлопцев. Прогоните немцев, заходи в гости, чарку поднимем. У меня Параска такую самогонку делает, чистая, как слеза, а крепкая – как молот кузнеца.

Попрощавшись, десантники тронулись в путь. Федор Николаевич с сыновьями долго еще стоял у забора, думая о своем и глядя, как, поднимая сапогами пыль, уходили вдаль те, кому не посчастливилось жить в это тяжелое время. Он прекрасно понимал, что большинство молодых солдат не вернется в свои дома, к своим родителям и невестам. Им предстоит навсегда исчезнуть, сгорев во всепоглощающем огне войны, расплачиваясь за чьи-то ошибки, амбиции, неумение договариваться.

Когда фигуры десантников исчезли, укрытые липовой аллеей, Федор взял в руки недоделанную ножку стула и вернулся к своему занятию, погрузившись в него целиком.

– Товарищ младший лейтенант, как вам мужик этот? – Иван, ускорив шаг, догнал взводного.

– Как? – Луценко задумался. – Настоящий он какой-то. Хозяйство крепкое. Видел, как стул делает? Без единого гвоздя собирает. А для этого руки должны не только быть золотыми, но еще из нужного места расти. На таких, как Федор Николаевич, всё и держится – не только у нас, но, пожалуй, и во всем мире.

Иван кивнул головой, соглашаясь. Впереди уже маячил тот самый темный лес, о котором говорил хозяин дома.

...Летом 1943 года в окрестностях Качай-Болота партизаны устроили засаду и убили немецкого солдата из гарнизона, который располагался в Слободке. В ответ на это фашисты отобрали трех человек и повели на расстрел. Среди них был и Федор Николаевич. Обреченных вывели на край поля, на котором росла пшеница. Чтобы хоть как-то развлечься, палачи пред-

ложили заложникам следующую игру: нужно бежать по полю под градом пуль, если повезет увернуться – останешься в живых, нет – туда тебе и дорога. Первый не успел отбежать далеко, вначале его ранили, а потом уже и добились выстрелом в голову, под веселый гогот убийц. Второму повезло больше. Петляя, как заяц, он сумел вырваться из-под смертельного огня и, раненый, скрыться в лесу, гнаться за ним каратели поленились. Настала очередь Федора. Понимая, что ему не убежать, он схватился за упертый в живот автомат и отвел его в сторону, не давая немцу нажать на курок. Остальные не вмешивались, с интересом наблюдая за схваткой. Известно, чем бы всё закончилось, но через минуту на этом месте затормозила ехавшая со стороны Слободки автомашина, из которой вышел офицер. Он поинтересовался, что здесь происходит и почему до сих пор не расстреляли всех приговоренных. Федор Николаевич отпустил автомат и повернулся к приехавшему со словами: «Пан офицер, я не партизан! За что вы хотите меня убить?».

В это время каратель, стоявший сбоку, вскинул оружие и, перехватив его за ствол, со всей мочи ударил заложника по голове. Убедившись, что крестьянин не подает признаков жизни, довольные палачи ушли обратно, а в деревне было объявлено, что тот, кто уберет трупы с поля, будет расстрелян в назидание другим, ибо ослушаться немецких приказов – самое злостное преступление.

Ночью Прасковья Трофимовна пробралась на поле и отыскала Федора. Он был еще жив, хоть и потерял много крови. Эта хрупкая невысокая женщина в одиночку притащила мужа домой и сумела выходить его. А уже после войны подарила ему сына, которого называли Виктор, что в переводе с латинского означает «победитель».

Все родные Федора Николаевича выжили в войну, оберегаемые им. Трагическая судьба коснулась только родителей, которые жили далеко от сына. В самом конце зимы 1943 года они были схвачены и вместе с другими жителями своей и других деревень, ставших к этому времени прифронтовыми, были отправлены на мучительную смерть в спешно организованные фашистскими оккупантами лагеря смерти около Озаричей. Там, среди болот, на маленьких островах, окруженных рядами колючей проволоки и охраняемых с вышек полицияями, были собраны женщины, дети, старики – самые обездоленные жители оккупированной территории. Запертым в тающих снегах, не имея продуктов, тепла, элементарной крыши над головой, им не оставалось ничего другого, как умирать мучительной смертью. Фашистское командование, со всей жесточайшей циничностью осознавая будущее невинных жертв, готовило сюрприз для наступающих советских войск. Для этого среди содержащихся в лагере умирающих людей распространили сыпной тиф. Таким образом немцы рассчитывали задержать продвижение Красной армии, вызвав у освободителей эпидемию тяжелой болезни. Узнав об этом, командование фронта провело небольшую операцию, в ходе которой были освобождены оставшиеся в живых узники. К сожалению, несколько тысяч человек навсегда остались в озаричских болотах, среди них были и родители Федора Николаевича...

Глава 5

Поход по указанному командиром роты маршруту снова оказался неудачным, немцы так и не встретились. Далеко за Ковчицами были слышны выстрелы, но добраться туда не получилось, уперлись в непроходимое болото. Пока обходили, потеряли много времени, пришлось поворачивать назад, чтобы успеть в лагерь к вечеру. Луценко шел мрачнее тучи: еще не успокоились нервы после вчерашнего разноса, а впереди ждал новый, еще хлеще, от самого комбата, который хоть и был справедлив, но не отличался сентиментальностью в случае провинности подчиненных. Посыпая голову пеплом, взводный корил себя, что не дошел до шоссе, уж там точно есть где разгуляться, хоть и риск огромный. Без разведки, не зная систему охраны, не подготовив пути отхода, можно запросто положить всю группу, выйди они случайно на вражеский пулемет или заплутав при отходе. Шоссе – не простая дорога, это артерия, питающая сердце войны. Без нее в войсках может наступить катастрофа. Значит, и охраняться будет сильнее, не то что деревенские тропы.

Уже смеркалось, когда десантники пришли в лагерь. На радость Луценко, комбат к этому времени отыгрался на некоторых командирах групп, и это снизило уровень его гнева. Для проформы поорав немного про невыполненное задание, он отправил бойцов отдыхать.

Как оказалось, ни одна из рот за эти дни так и не смогла добраться до Староваршавского шоссе. Правда, не все еще вернулись в лагерь, но вероятность, что им удалось достичь дороги, была незначительной.

Распустив группу, Луценко приказал всем приводить себя в порядок. Чистить и готовить не пригодившееся оружие будут уже завтра, с рассветом.

– Где он, где? Неужель его нет? Тяжелее, чем камни, я нес мою душу, – прохрипел Гришка, подходя к шалашу.

– Тьфу, чертяка, – испуганно произнес Федор, – умом, что ли, тронулся, поэт хренов?

Не обращая внимания на друга, с выражением, трагически заламывая руки, Григорий продолжал декламировать:

– Уж три ночи, три ночи, пробираясь сквозь тьму,
Я ищу его лагерь, и спросить мне некого.
Проведите ж, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека!

Закончив читать, замер, уставившись на верхушки деревьев, словно оттуда вот-вот должен был появиться некто. Федька удивленно поднял голову, прищурившись, и на всякий случай сделал шаг назад.

– Может, врача позвать? – Иван почесал голову.

– Есенин написал. – В сгущающихся сумерках было видно, что Гришка улыбается. – Мы спектакль по поэме «Пугачев» в школьном театре ставили. Я разбойника Хлопушу играл. Это его монолог. А ты, Федька, кроме своей Библии ничего и не читал. Может, еще «Колобка». И то по слогам.

– Не зря вас товарищ Ленин гнилой тялигенцией называл. – Федор снял вещмешок, развязал его и принялся шарить внутри, разыскивая съестное. Рыбу и тушенку он съел уже давно, теперь надеялся найти хоть что-то, в животе урчало от голода.

– Интеллигент! Дурында, ты даже слово запомнить не в состоянии, понаберут таких в трактористы, по полю ходить страшно. На, держи, – Гришка протянул другу большой сухарь, – с голоду помрешь без меня, обжора.

– Помереть, может, и помру, а тебя точно переживу, – ответил тот, с удовольствием принимаясь за еду.

– Сколько у тебя прыжков, Федя? Я имею в виду с парашютом, а не со скамейки, – театрально нахмурился Гришка.

– Один! – привычно показал ему палец товарищ.

– Так ты теперь первый парень на деревне будешь, когда вернешься. Все девки твои.

– А то! Хочешь, и тебе сосватаю. У нас такие бабы хозяйственные, мигом про свой город забудешь.

– Кто ж их от фрица-то защитит теперь?

– До нашей Хатыни немцы точно не дойдут. Места глухие, побоятся лезть, – рассмеялся Федор, – а потом мы им пинок под зад и погоним обратно, в Херманию.

– Какое интересное название, – хохотнул сидевший рядом Полещук, – Хатынь – это от слова «хата»?

– Не знаю, – ответил Федя, почесав голову, – не думал об этом. Гришань, ну как, искать невесту? Нормальную, а не такую немощную, как ты.

Друзья продолжали перебраниваться, весело издеваясь друг над другом. А Иван с товарищами в это время развели костерок, укрыли его со всех сторон ветками, чтобы в темноте не было видно пламени, и принялись в котелках готовить такой опостылевший за неделю суп из горохового концентрата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.